

Б. Конофальский

РЕЙД

ОАЗИСЫ

книга 4

КАМЕНЬ

18+

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. Книга 4. Камень

«Автор»

2023

Конофальский Б.

Рейд. Оазисы. Книга 4. Камень / Б. Конофальский — «Автор»,
2023

Перед старшим уполномоченным Трибунала Гороховым встают новые и
непростые задачи.

© Конофальский Б., 2023

© Автор, 2023

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. Книга 4. Камень

Оазисы. Книга 4

Глава 1

Он замечал, конечно, северянок и раньше, но только теперь обратил внимание на то, как много женщин у северян занимают разные руководящие или важные посты. Вот и теперь из четырёх человек, приехавших по его душу с севера, было две женщины. Обе высокие, худощавые, с поджарыми задами и сильными ногами. Груды маленькие, лица вполне миловидные. Не самые яркие красавицы, но рост, сила, определённая грация и хороший вкус были визитной карточкой северянок.

Их возраст точно определить нет никакой возможности. Этих женщин можно было описать одним дурацким словом – «порода». Так в Соликамске говорили друг о друге местные дамы, относившие себя к высшему обществу. Горохов читал книги и знал смысл подобных словечек, но терпеть их не мог. Не любил он эти выражения, наверное потому, что он-то как раз выходил из людишек самых низкопородных, из тех самых людей, которых местные женщины либо с неприязнью, либо с насторожённостью называли степняками. И которых, конечно, никто не путал с казаками, так как хоть и нехотя, но городские готовы были признавать казачью знать почти как равных. Это, наверное, потому, что казаки представляли большую военную силу, мощь, которую толком никто не мог определить, взвесить. Даже сами казаки. А ещё эти воинственные кочевники держали в руках значительную часть прибрежной торговли на реке. То есть были и богатыми, и опасными... Пусть даже и дикарями. И некоторые городские не гнушались приглашать атаманов с семьями иной раз погостить в городе. В общем, эти худые и въедливые бабы с севера совсем не походили ни на городских красоток из высшего общества, изнуоряющих себя в спортивных залах и бассейнах и совершенствующих свои фигуры у местных хирургов, ни на степных женщин, измученных бесконечным тяжким трудом. Ну уж а на казачек они походили ещё меньше. Северянок никто и никогда с другими женщинами не путал. И с недавних пор уполномоченный знал, почему.

Биоты. Чёртовы биоты.

– Андрей Николаевич, вы могли бы не курить? – спокойно спросила одна из этих баб, та, что сидела слева, на самом краю. Брюнетка со светло-серыми глазами. Фамилия её была Самойлова, а имя он прослушал. До сих пор она ничего не говорила, не выпускала карандаш из руки, что-то всё время отмечала в своих бумагах, и это был первый её вопрос.

– Мог бы, – сухо ответил уполномоченный, но даже и не подумал потушить подождённую сигарету в пепельнице перед собой; напротив, он сделал очередную затяжку и выпустил струю дыма в потолок. И, как назло, у него запершило в горле, и не удивительно, шёл уже четвёртый час их общения, и, кажется, это была его шестая или седьмая сигарета.

Ему пришлось немного откашляться. А Самойлова, словно обрадовавшись этому, заявила:

– Курение ослабляет здоровье, и чем больше возраст курящего, тем заметнее последствия этой дурной привычки.

– Неужели? – притворно удивился уполномоченный.

– Да, – убеждала его женщина. Она не почувствовала сарказма в его вопросе и продолжала: – Это медицинский факт.

– А у меня есть другие, не совсем медицинские факты, – делая очередную затяжку, произнёс Андрей Николаевич. И так как Самойлова ждала его пояснений, продолжил: – Двое из трёх уполномоченных из степи не возвращаются. Так что болезни, связанные с курением, могут

мне угрожать только с вероятностью не более тридцати трёх процентов. И с вашего позволения..., – он всё-таки не потушил окурок и продолжил крутить его в пальцах.

На это его заявление брюнетка с почти белой радужкой понимающе кивнула: а, ну понятно, что ты за фрукт. И сделала у себя в бумагах очередную заметку.

Бушмелёв, сидевший у стены и наблюдавший за «консультациями», только закричал и заёрзал; он всем своим видом показывал – только вслух не говорил – своему подчинённому: «Андрей, ну какого хрена ты их бесишь?». Сидевший рядом с ним комиссар по кадрам Вавилов, так тот уже час как глаз не поднимал, разглядывал что-то на полу с отсутствующим видом. Судя по всему, он уже давно сделал для себя все выводы. Как, впрочем, и сам старший уполномоченный Горохов. После того как он появился на службе, ему пришлось написать уже три подробных рапорта, описывающих его экспедицию на юг. Три! Потом была ещё одна внутренняя комиссия, потом приезжали северяне в первый раз и пункт за пунктом разбирали все три его рапорта. И им ещё тогда не понравилось, что всю вину за гибель экспедиции уполномоченный возлагал на сумасшедшую бабу, которая ей руководила.

«А что же, по-вашему, я должен был написать, что это я завёл их в засаду? Их завёл, а сам вышел невредимым?». Уже в тот раз только по поведению северян он понял, что обещанной визы на север ему не видать. Никогда. Ни при каких условиях. В общем, у него больше не было необходимости лебезить перед теми четырьмя людьми, что сейчас сидели напротив него за длинным столом. Вот он и не лебезил. И тут заговорил один из двух мужчин, что был в комиссии. Фамилия его была Сушинский. Честно говоря, этот тип вообще не был похож на северянина. Во-первых, он был пухлый. Не жирный, но и отнюдь не худощавый спортсмен, как подавляющее большинство чиновников с севера. Дурацкий пегий «ёжик» на голове и нехарактерные для северянина очки с затемнёнными стёклами. Он взял одну из своих бумаг и, заглянув в неё для верности, произнёс:

– Рядовой Рогов показывает, что вы несколько раз за время путешествия с ним оставляли его одного, отлучались куда-то, и в одну из таких отлучек вы вернулись с мотоциклом и флягой рядового Винникера. Вы сказали ему, что нашли всё это и что Кораблёва с Винникером убиты. Что их убили дарги.

– Так оно и было, – ответил Горохов. Он прекрасно понимал, что эта тема ещё не раз всплывёт в этом расследовании. – Только вот мотоцикл я не находил, а откопал из своего схрона.

И этот Сушинский, пропустив его замечание мимо ушей, продолжал как бы невзначай:

– Рядовому Рогову показалось, что вы вели себя в этот момент несколько странно.

– Рогову показалось? Показалось? – тут уполномоченный едва сдержался, чтобы не усмехнуться. А это было бы уже абсолютной наглостью в контексте обсуждаемой темы. Поэтому он сдержался и продолжил серьёзно: – Мне рядового Рогова приходилось под руку вести, чтобы он не падал от жары и потери крови, ваш Рогов едва на вопросы мог отвечать, у него костюм протёк, мне приходилось отдавать ему свой хладоген. Я сомневаюсь, что он вспомнит о том, как мне пришлось отбиваться от двух даргов, не уверен, что он помнит, как я скармливал ему последние свои обезболивающие... Тем не менее он заметил и запомнил, что я вёл себя странно. И это ночью. Ваш Рогов очень..., – Горохов замолчал и правильно выбрал слово в этой ситуации: – Наблюдательный человек.

– Угу... Угу... Как я понял, – продолжал всё тот же член комиссии в очках, которого, видимо, не удовлетворил ответ уполномоченного, – этот мотоцикл, на котором вы оттуда уехали с Роговым, вы припрятали заранее.

– Да, ещё в первое моё пребывание в тех местах я сделал закладку, и мотоцикл я тоже там себе оставил, так как оставался один, а до ближайшего населённого пункта десятки километров пустыни. Закладки в степи – это обычная практика. И слава богу, что она мне в первый раз не пригодилась.

Вторую женщину из комиссии звали Елена Грицай. Горохов сразу запомнил её. Женщина была яркая. Как и все другие биоты, она была высокой, тяжёлые рыжие волосы собраны в высокий пучок на голове. Глаза у неё были зелёные и казались добрыми. Она пришла сюда, на такое серьёзное заседание, в юбке выше колен. Это сразу удивило всех мужчин из Трибунала. В том числе и Горохова. И вот тут эта Грицай и говорит:

– И именно в тот момент, когда вы раскапывали свой схрон, и появились Кораблёва с Винникером?

– Да; может, набрали случайно, а может, их привлёк шум работы двигателя, когда я проверял мотоцикл после того, как очистил его от песка. Они услышали и пришли.

– Андрей Николаевич, вы ведь успели пообщаться с Кораблёвой прежде, чем она погибла?

– Да, успели переброситься парой слов. Она спросила, видел ли я ещё кого-нибудь. Я ответил, что со мной один раненый Рогов.

– И она вам сразу, в этом коротком разговоре сообщила, что вещество при ней? – продолжила Грицай.

«Зачем она спрашивает, она же читала мои рапорты». Но это вопрос риторический, он знает, что его ещё не раз о том спросят. В общем, это был очень хитрый вопрос. Но у Горохова хватило ума, чтобы не попасться в эту ловушку, когда он ещё писал первый свой рапорт об этом деле.

– Нет, про вещество не было сказано ею ни слова, просто, когда я сказал, что нужно вернуться за Роговым, она сказала, что самое важное уже при ней, и рисковать этим она не собирается, а Рогов... – Горохов красноречиво махнул рукой, выражая пренебрежение, – Рогов её не интересовал.

Члены комиссии не выразили никаких чувств после подобного его объяснения, и рыжая Грицай, как ни в чём не бывало, продолжила:

– На мотоцикле два места, вас было четверо, не возникло ли между вами конфликта?

– Какой ещё конфликт? – хмыкнул уполномоченный. – Ваша Кораблёва прекрасно понимала, что из сложившейся ситуации только я могу её вывезти. Рогов был ранен, Винникер не бог весть какой проводник по степи.

– Она вам что-то сказала на эту тему?

– Не успела, её убили.

– Убили? Это были дарги? – на этот раз спрашивала Самойлова.

– Да.

– Откуда вы знаете?

– Одного из них я убил. Остальные ушли. Их было, наверное, трое.

– Почему же они ушли? Почему не убили вас?

– Испугались, это были молодые особи, – уверенно врал уполномоченный. – Не прошедшие инициацию. Я осмотрел того, которого убил. А может, у них было мало патронов. Бой-то шёл с вечера.

И тут снова заговорила Елена Грицай, глядя на уполномоченного так, как будто хотела просветить его насквозь своими зелёными глазами:

– Ваша одежда с той экспедиции не сохранилась?

– Нет, в той одежде мне пришлось идти через пески и прыгать в речную воду. Она стала непригодна для носки.

– Зато сохранилась одежда рядового Рогова, – эту фразу рыжая произнесла так, словно угрожала Горохову.

Но тот отреагировал на её слова весьма спокойно:

– И что?

– На одежде Рогова, кроме его крови..., – тут Грицай сделала паузу, словно хотела напугать уполномоченного и закончила: – найдена кровь Кораблёвой.

Уполномоченный не ответил. Он не знал, что ей ответить на это. И тогда Грицай продолжила:

– Можете это объяснить?

«Кровь Кораблёвой на одежде Рогова? Что за бред! Откуда? – и тут же ему в голову пришла мысль. – Кровь Кораблёвой, наверное, нашли на штанах Рогова. И попасть она могла на них только с мотоцикла».

Он пожал плечами и ответил:

– Когда в Кораблёву попала пуля, она находилась возле мотоцикла. Возможно, на мотоцикл попали брызги. А Рогов потом ехал на нём. Или на его одежду кровь могла попасть с моей, я ведь обыскивал Кораблёву после того, как её убили, – он снова пожал плечами. – Других вариантов у меня нет.

Это логическое объяснение, кажется, не было для Грицай неожиданностью.

– А что делала Кораблёва в тот момент, когда начался бой?

Он взглянул на неё с некоторой усталостью и ответил нехотя:

– Она ела персики из персикового компота.

– Дарги стреляли в неё в первую? Почему?

– Они всегда стреляют в ту цель, в которую легче попасть. Кораблёва и Винникер стояли во весь рост, а я сидел на корточках, возле бархана. Было темно, они были лучшими целями.

– А вы хорошо знаете даргов, – заметила Самойлова.

На это её замечание уполномоченный отвечать не стал; он достал очередную сигарету и закурил, а брюнетка, не дождавшись его ответа, заговорила:

– А раз вы так хорошо знаете даргов, как они смогли подойти к вам?

– Очень просто, – ответил уполномоченный. – Я мотоцикл уже выкопал и проверил, после выкапывал воду и бензин, а Кораблёва и Винникер пришли и притащили за собой даргов.

– То есть они привели даргов, а не вы? – уточнила Самойлова.

– Точно не я! – с вызовом ответил ей Андрей Николаевич. – Я приучен ходить аккуратно, не оставлять лишних следов и постоянно оборачиваться.

Она замолчала, уткнулась в свои бумаги, и тут заговорил четвёртый человек из комиссии, седой и самый, как казалось уполномоченному, опасный. Это был очень крепкий на вид северянин по фамилии Карпов. Глаза его были чуть навывкат, и почти всё время он молчал, смотрел этими своими неприятными глазами и старался не упустить ни одной эмоции Горохова; и наконец он сказал:

– Возможно, в те места будет отправлена экспедиция. Ещё одна. Нам бы хотелось знать, как всё произошло. Как погибла группа Кораблёвой. Мы собираемся это выяснить.

«Ну да... Выяснить. Уже месяц прошёл. Даже если в той жуткой жаре нет трупных мотыльков, тела всё равно давно сожраны. Трупные мотыльки съедают тело за трое суток. Даже если труп мотыльки не отыщут, и он успеет высохнуть до состояния мумии, её за неделю сожрёт песчаная тля. За не-де-лю, – Горохов пару раз видал такой шевелящийся серо-бурый ковёр из почти невидимых, микроскопических блёклых существ, что рады любой органике в степи. Этаким бархатный саван на бугорке полуприсыпанного трупа. То было неприятное зрелище. – Тля обглодает мертвеца до костей, даже если его завалит песком полностью. Да и кости в степи востребованы, они будут расколоты крепкими зубами варанов или растворены едкой кислотой сколопендр и с удовольствием съедены. И одежду разорвут и пожрут. Если что-то и остаётся от мертвецов в степи, так это только металлы. А металл давно весь дарги растащили. Всё, что вы там найдёте, так это остовы сгоревшей техники... Так что давайте, езжайте – ищите, выясняйте». Но вслух он ничего такого, конечно, не произнёс, сидел и курил почти безмятежно, и тогда Карпов продолжил:

– Если бы вы присоединились к следующей экспедиции, возможно, мы могли бы рассмотреть продвижение вашей просьбы, наша комиссия имеет на это полномочия.

– О-о! – притворно удивился уполномоченный. – Продвижение моей просьбы? Это какой, какой? Не той ли самой моей просьбы, о продвижении которой мне уже обещала Кораблёва перед тем, как завербовать меня в экспедицию? Или о какой-то новой моей просьбе? Какую из моих многочисленных просьб вы имеете в виду?

– Извините, я вас не понимаю, – Карпов всё так же внимательно смотрел на Горохова.

– Мне уже обещали рассмотреть моё прошение о получении пропуска на север, если я соглашусь пойти с Кораблёвой, – объяснил ему ситуацию уполномоченный. – А теперь ваши в консульстве почему-то передумали. Говорят, что им нужно что-то там взвесить. И тут появляетесь вы и снова мне предлагаете ту же наживку. Думаете, я и во второй раз заглочу этот крючок?

Карпов промолчал, а вот Самойлова была явно побестолковее:

– Мы можем заплатить вам. Назовите сумму.

– Спасибо, нет. Я там был уже, – он показал ей два пальца, – два раза. Всякие твари невиданные, дарги и, главное, – жара под семьдесят. В общем, с меня хватило бы и одного раза, но я там был дважды по просьбе вашей Кораблёвой.

– Сейчас дожди, температура там понизится, – заметила зеленоглазая и неприятная Грицай.

– Да, понизится..., – согласился Горохов, затушив окурочек в пепельнице. – С семидесяти до шестидесяти. И это при том, что степь зацветёт.

– Вам выдадут новый охлаждающий костюм, – упорствовала брюнетка. – И мы заплатим вам больше, чем в прошлый раз.

– Зачем это вам, – Горохов уже не знал, как ещё им ответить, чтобы они больше ему этого не предлагали. – Вы ведь все понимаете, что не найдете там ни одного трупа, они все давно съедены. Даже костей от них вы не отыщете. А вещество, что добыла Кораблёва, я вам уже передал. Зачем вы снова гоните туда людей почти на верную смерть? – всё это уполномоченный произнёс с едва заметной неприязнью. Он и в самом деле не понимал этой их одержимости. Может, потому и злился.

– Мы хотим посмотреть то место, где был выход, – на сей раз снова заговорил седой. – Надеемся найти ещё немного вещества. Или хотя бы образцы тех чёрных «деревьев», на которых оно выступает.

«Ах вот как. Они пойдут туда искать не павших. Им нужна та живая капля, которую я им привёз. О... Видно, это было что-то важное. Настолько ценное, что они готовы угробить ещё одну поисковую партию в призрачной надежде раздобыть себе ещё одну каплю того вещества. Надо было о том догадаться. Оно ценное настолько, что даже очень храбрая Люсичка побоялась заграбастать всё себе. И через меня решила поделиться с северянами. Побоялась, что через меня они узнают, что она увела у них всё, и решила отдать половину. Да... Люсичка умная. Даже умнее, чем кажется». Тем не менее...

– Нет, третий раз я туда не полезу, – покачал головой уполномоченный. – Тем более с кем-нибудь типа вас. Мне не нравится, когда безумные бабы забирают у меня оружие и приставляют ко мне охрану.

– Андрей Николаевич, мы можем оговорить сумму, – продолжала Самойлова; то есть об обещании пропуска на север они уже особо и не вспоминали, – и гарантирую, что не буду забирать у вас оружие. Соглашайтесь, и вы не пожалеете.

«О, так это дело поручают очередному биоту! Теперь точно нет!».

– Нет, хватит... Координаты вы знаете... Езжайте без меня. Полюбуйтесь цветущей степью. Только не забудьте пару запасных респираторов. Споры всё-таки ядовиты. И ещё захватите пару канистр инсектицидов от пауков, шершней и цикад. Дожди – это время, когда цикады

размножатся и покидают норы, а шершни начинают роиться. А потом, если вернётесь, расскажете, как вы не пожалели, что туда отправились.

Больше никто из приехавших ничего ему не предлагал, хотя вопросов ещё задали много.

Глава 2

– Андрей... Я не пойму... Вот тебе обязательно нужно было их бесить? – спросил комиссар по контролю и внутренним вопросам или, как его чаще называли, начальник кадрового отдела Вавилов. – Вот что ты их задираешь? Все эти твои усмешечки, ухмылочки... Зачем? Вот зачем? – Вавилов, кажется, был не на шутку раздосадован итогами заседания. – Думаешь, после того как ты им нахамишь, посмеёшься над ними, мне будет легче тебя выдвинуть на должность заместителя начальника Оперативного Отдела?

Горохову так не понравилась эта речь комиссара, что он едва сдержался, чтобы не ответить ему чем-нибудь едким. Ну в самом деле, комиссар Вавилов его, одного из опытейших сотрудников, отчитывал как провалившего исполнение новичка. Но хамить начальству... даже при его самоуверенности уполномоченный не решился, а в очередной раз молча полез в карман и достал оттуда сигарету. И на это уже отреагировал его непосредственный руководитель, начальник Отдела Исполнения Наказаний комиссар Бушмелёв; он выхватил из пальцев Горохова сигарету.

– Хватит уже... Хватит... Чадишь, как старый теплоход на реке, без перерыва, тебя просят не курить, так ты ещё больше дымишь. Как назло. Правильно тебе Вавилов говорит: какого хрена ты их бесишь? Чего дожидаясь, ещё одну комиссию хочешь? Нет бы взять и сказать просто: так, мол, и так дело было, а с вами я больше не пойду, потому что здоровье уже подорвал в этом пекле, – а ты им всё шуточки свои шутишь... Перед этими тощими бабами ихними. Вот нужны они тебе были?

И самое неприятное в этом всём было то, что оба начальника отчасти были правы. Но они не были в курсе последнего разговора, что имел уполномоченный с консулом Северной Конфедерации, который изящно дал понять Горохову, что его желание перевезти семью на север неосуществимо.

– Ладно, – наконец произнёс уполномоченный, – хватит вам меня отчитывать, – он забрал обратно сигарету у Бушмелёва. – Просто надоели они мне. Лживые они... Сволочи...

– Не дали пропуск на север, – резюмировал Вавилов, – и это после того, как ты привёз им пробирку. Обидно, наверное? – ему не нужен был ответ уполномоченного, он молча протянул Горохову руку для рукопожатия. И тот её пожал. А когда он ушёл, Бушмелёв проводил его взглядом, а потом приблизился к своему подчинённому, как будто боялся, что его услышат, и заговорил:

– Чего они там выспрашивали всё время про смерть Кораблёвой?

– Думаю, это способ давления на меня у них такой, – сразу нашёлся, что ответить, уполномоченный. – Дескать, всё неясно: вас было четверо, мотоцикл был один. Нужно ещё выяснить, почему это ты с Роговым приехал, а не Кораблёва с Винникером.

– М-м..., – многозначительно произнёс комиссар. И вдруг спросил: – А и вправду, почему это ты приехал с Роговым, а не с Кораблёвой?

Горохов покосился на начальника и ответил уверенно:

– Как говорят наши пациенты: так карта легла.

– Карта, значит? – многозначительно переспросил Бушмелёв.

– Угу, карта, – подтвердил уполномоченный. Больше он ничего говорить о том деле не хотел. Даже с теми, кому всегда доверял.

– Ну, карта так карта, – закончил разговор начальник и встал. – Ты, Андрей, это... зайди к Поживанову, он два дня тебя спрашивал.

– Зайду, – пообещал Горохов.

В Отделе Дознания всегда тихо, кабинеты обычно пусты, а в коридорах прохладно. Большинство сотрудников отдела в здании бывают редко. Они такие же бродяги, как и уполномоченные, – или ещё большие бродяги. Уполномоченные выходят и идут в степь исполнять приговор Трибунала. Уходят, исполняют, возвращаются. Следователи и дознаватели возвращаются в Трибунал только написать рапорты и выписать постановления. Делают это и снова уходят в степь. Чаще всего они изображают из себя старателей – то ещё занятие, учитывая количество бандитов, казаков и даргов в степи. В общем, в отделе Поживанова почти всегда тихо, только в приёмной был молодой человек, имени которого уполномоченный не знал. Парень сразу встал и произнёс:

– Товарищ Горохов, здравствуйте, комиссар ждёт вас.

Сам Сергей Сергеевич восседал в своём необыкновенном кресле, и на сей раз был он не в дорогом костюме, а в какой-то модной то ли кофте, то ли олимпийке, в общем, в одежде с «горлом», в одежде, которую можно носить только в том случае, если ты никуда не отходишь от кондиционера. Горохов слышал от Натальи, что сейчас моден цвет «заката». Кажется, кофта комиссара была именно этого цвета. Причёска, обстановка в кабинете... Всё было первого класса. И завершала композицию дорогая выпивка в стеклянном холодильнике. Нет, начальник Отдела Дознания совсем не походил на всех остальных комиссаров Трибунала.

– Садись, – коротко предложил Поживанов уполномоченному, указав на стул перед своим большим столом.

Они молча пожали друг другу руки, и Горохов уселся туда, куда было предложено, а комиссар, увидав в его руках сигарету, тут же подвинул ему пепельницу: кури, если хочешь. Но уполномоченный закуривать не стал.

– Что-то лица на тебе нет, – ехидно заметил Поживанов. – Что, Андрюша, уездили тебя северные красотки?

– Просто одолели, – подтвердил Горохов, покачав головой. Он, честно говоря, думал, что комиссар предложит ему чего-нибудь успокаивающего из своего холодильника, но тот не торопился этого делать и продолжал:

– Думаю, что это не последняя комиссия, что приезжает по твою душу. Впрочем, их можно понять, погибла целая группа отборных людей. А ещё ты привёз им что-то очень нужное.

– Да, они хотят, чтобы я ещё раз туда съездил, – сказал Горохов. – Готовы ещё людей гробить, чтобы только добыть того вещества.

– О, – комиссар удивился. – Значит, и впрямь ты что-то ценное добыл, – и тут же спросил, многозначительно поглядев на Горохова: – А что это было-то? Или у тебя подписка о неразглашении?

Наверное, Горохову не нужно было рассказывать об этом, но ведь и вправду подписку о неразглашении за время всех этих разборов и комиссий с него так никто и не взял. Дело вели северяне, а не Трибунал. А они, как выяснилось, совсем не так опытные в подобных мелочах. К тому же Горохов рассчитывал получить кое-какую информацию от Поживанова и посему не стал играть с ним в тайны и ответил вполне развёрнуто:

– Прозрачное, как вода, вещество. Но более густое. Капля в пару граммов. Может передвигаться по пробирке вне зависимости от её наклона. Мне показалось, что вещество ищет место, где больше солнечного света, и передвигается туда, но сам понимаешь, это только мои предположения.

– Ну понятно, – произнёс Сергей Сергеевич без особого интереса, – короче, какая-то муть для Института.

– Да, – согласился уполномоченный.

– Ладно, – перевёл тему комиссар, – помнишь, ты меня просил про Алевтину из Серова разузнать?

– Я уж думал, ты забыл, – сказал Горохов.

И тогда Поживанов посмотрел на него с укором и ответил очень серьёзно:

– О просьбах таких людей, как ты, Андрей, я никогда не забываю.

– Это чем же мы, «такие люди», отличаемся от «не таких»? – с усмешкой спросил Горохов. Он всю серьёзность фразы генерал-майора переводил в шутку.

Ну и Поживанов тоже пошутил:

– «Такие люди», как ты, от простых людей отличаются количеством приведённых в исполнение приговоров.

Они оба посмеялись, и Горохов закурил. А сам Поживанов встал и добавил:

– Вообще-то мне сейчас нельзя, у меня встреча скоро, но я выпью с тобой пару капель, – он полез наконец в свой холодильник и достал оттуда самую дорогую кактусовую водку, которая давно уже привлекала внимание уполномоченного – даже через два стекла – своей божественной синевой.

Также комиссар поставил на стол две рюмки и тарелку с острой нарезкой. Разлил выпивку, и они выпили. И, не закусывая, Поживанов продолжил:

– В общем, на человечка, что на меня там работает, я почти не надеялся и, как выяснилось, правильно делал, он... короче, в религию ушёл; там, в Серове, шаман какой-то появился, и он стал к нему ходить.

– Так это явление повсеместное, – заметил Горохов, – от безнадёги люди либо на полынь присаживаются, либо в религию уходят, я давно это приметил.

– Я тоже, – согласился Поживанов. – Короче, я отправил туда Васю Белькова, знаешь его?

– Да, я его знаю, – сразу вспомнил уполномоченный толкового оперативника. – И что он говорит?

– Много чего... Во-первых, там есть боты.

– Ну, это уже не удивляет..., – уполномоченный даже махнул рукой, – далеко на юге уже появились серьёзные боевые модели. Как-то они колодец хотели отбить у торговцев. Девятьдесят попаданий из винтовки выдерживает походя. В общем, они как из бетона... жуткие твари... хотя ещё и туповатые...

Кажется, о таких ботах начальник Отдела Дознаний ещё не слышал, он даже приподнял брови от удивления.

– Десять попаданий...? Ты лично видел таких?

– Лично, – заверил его уполномоченный.

– Да..., – многозначительно произнёс Поживанов и вспомнил: – Ладно, продолжим про город Серов. Обстановочка там интересная, мягко говоря, буду писать докладную Первому. Пока обдумываю нюансы. Ну, боты это... Это ты уже понял. Но вот что меня поразило – и меня, и Васю Белькова тоже, – так это то, что там куча хороших северных товаров. Всё есть: аккумуляторы, кондиционеры, даже «вечные» батарейки, персики, сушёные фрукты, отличный крахмал, и всё в оптовых количествах.

Эта информация почему-то не вызвала у уполномоченного большого удивления: ну, значит, город Серов является местным центром торговли, откуда торговцы развозят товары по мелким оазисам и другим поселениям. И, поняв, что озвученная информация не произвела на собеседника большого впечатления, комиссар пояснил:

– Андрей, так цены ниже, чем у нас тут, на реке.

– То есть? – всё ещё не понимал уполномоченный.

– То есть у нас здесь главный логистический узел на тысячу километров в округе, – продолжал пояснять Поживанов. – Все товары идут по реке сюда и здесь же выгружаются. И когда мне мой аналитик полгода назад писал, что к нам сюда, на Соликамские склады, почти не ездят покупатели из-за «камня», из-за Уральской гряды, в том числе и из Серова, я этому особого значения не придавал. Я тогда не уловил нюанса. Ну не ездят – и не ездят.

– Я и сейчас не улавливаю, – признался Горохов.

– А должен, – с укором произнёс генерал-майор. – Это мы тут в городе сидим, а ты там, в степи, подобное нутром должен чувствовать.

– Так ты объясни, что мне нутром-то почувствовать нужно.

– Ты же сам говорил, что эта твоя Алевтина оружием торгует. Оружие-то северное. Не сама же делает. Но мы-то тут, на реке, весь трафик контролируем, почти весь. Откуда там, за «камнем», оружие и дешёвые товары?

– Думаешь, ещё одна дорога есть? Там же рек нет, там севернее Серова через двести километров болота начинаются.

Тут Сергей Сергеевич развёл руками:

– Вот так вот, пути на север нет, а товары и оружие с севера есть.

– И на этом оружии «сидит» Алевтина, – резюмировал Горохов.

– Она только имя. Персоналии, стоящие за нею, всё время меняются, так что выяснить имя того, кто этим делом заправляет, у меня пока возможности нет. Сейчас там всеми процессами руководит человек по имени Юрий Сирко или, как его там называют, Юра Сыр.

– Юра Сыр? – Горохов усмехнулся. Эта кличка авторитетного предпринимателя показалась ему забавной.

– Кто он, откуда – нет никаких данных. В общем, буду писать по Серову большую докладную записку на имя Первого, обязательно упомяну тебя, – пообещал Поживанов. И добавил: – Может, это поможет, и тебе всё-таки дадут место зама Оперативного Отдела.

Андрей Николаевич только махнул рукой и поморщился. После всех этих комиссий, рапортов и расследований его назначение на высокий пост выглядело всё более и более призрачным. И чтобы не выслушивать успокаивающие речи от комиссара, он начал:

– Слушай, Серёжа..., – и замолчал, думая, как бы лучше попросить.

– Ну. Говори, – Поживанов разлил по рюмкам водку.

– Ты помнишь, – Горохов взял свою, – я приволок из степи сюда одного типа. Его звали Валера. Я в рапортах о нём писал.

– Это тот шарлатан-генетик, за которого я получил «втык»? – вспомнил комиссар.

– Ты получил за него? – удивился уполномоченный.

– Ну да... Мне Первый всё высказал, я ведь его проверял, прежде чем его в Институт взяли, писал, что он благонадёжный. А он там выкаблучивать начал. Я сути не знаю, но его ведь оттуда выгнали.

– Да, выгнали, – согласился Горохов, – или сам он оттуда ушёл; в общем, он стал всяких мутных типов лечить, из могил поднимал, как и меня, и начал преуспевать, бабу даже завёл, хотя сам был ещё тот красавец; ну а перед самой моей командировкой он исчез.

– Исчез?

– Да, оставил свой дом, он хоть и на отшибе стоял у барханов, но там была куча всего дорогого. Оборудование, ванны всякие, кондиционеры, электронный микроскоп был. А он всё это оставил, кроме микроскопа, и вместе с этой своей бабой исчез.

– Ну так он с мутными водился, ты же сам говоришь; может, кого-то не долечил... и вот..., – предположил Поживанов.

– Да, но мне кажется, что те у него всё оборудование вывезли бы, – Горохов выпил свою согретую в руке водку. – Народ лихой, такие деньгами разбрасываться не будут.

– И что ты хочешь? Найти его? – комиссар тоже выпил.

– Ну, так..., – Горохов всё никак не мог смириться с мыслью, что он привёз сюда человека, а тот здесь исчез, – хотя бы попытаться. Он и вправду мог из могилы людей на ноги ставить. Я бы и тебе его тоже порекомендовал.

– Слушай, Андрей..., – Поживанов поморщился. – Ты же знаешь, что у меня людей нет. У меня катастрофически не хватает персонала. Я, конечно, помогу тебе, но ты хоть вводные собери сам. А потом я выделю кого-нибудь на пару дней на это дело.

– Договорились, – обрадовался Горохов.

– Ну что, налить тебе? – предложил комиссар вставая.

– А ты?

– Я же тебе говорю, у меня встреча, – объяснил начальник Отдела Дознаний. – Мне хватит.

– Ну тогда и я не буду.

Глава 3

А в воздухе висела страшная духота. Жара и влага. Месяцы изнуряющего зноя где-то там, далеко на севере, выпарили миллиарды тонн воды из океана, а сменившиеся ветра наконец погнали её на юг, на юг, на юг... И здесь, у Березняков, она выпадает бесконечными дождями. Вода, казалось бы, прибавляет пыль, эффект испарения понижает температуру до благодатных тридцати пяти, но дышать в городе в это время легче не становится. Невидимый пар и почти невидимые споры всех растений и грибов, что ещё могут как-то размножаться в этом мире, практически непрерывно висят в воздухе. И споры эти очень неприятны – если и не ядовиты, то уж точно вызывают у многих людей отёки слизистых, кашель, насморк и прочие сопутствующие неприятности. Правда, медики замечали, что у детей острая реакция на дожди и цветение степи встречается всё реже, наверное, человек и вправду адаптируется ко всему. Но старший уполномоченный ребёнком не был, у него и без пыльцы со спорами от одних сигарет и заседаний в горле першило, поэтому ещё до того, как выйти на улицу, он надел свой дорогой, снабжённый электрическим вентилированием респиратор, в котором можно было дышать почти с такой же лёгкостью, как и без него. Конечно, ему не следовало слишком сильно привыкать к подобной роскоши, которая в его далёких экспедициях была либо недоступной, либо вызывающе опасной. Там ему приходилось довольствоваться простыми моделями – хотя бы для того, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания дорогими вещами. Но это там, в песках и полузаброшенных оазисах; здесь же, в Городе, Горохову хотелось жить легко. Так, как живут преуспевающие горожане. Он прошёл до своего электромобиля три десятка шагов и только когда захлопнул за собой герметичную дверцу и включил кондиционер, снял респиратор.

«Поживанов просил вводные по Валере, – Горохов задумался. – Попробуй ещё собери о человеке информацию, если он не хотел, чтобы такую информацию кто-то мог собрать. Что можно было сказать о Валере? Ну, к примеру, что это заика с отталкивающей внешностью. Почти инвалид с церебральными нарушениями. Ещё что? Гениальный самоучка-врач и генетик. Ещё? Работал на всякую сволочь. Судя по всему, не бедствовал. Узнать, кого он лечил в последние пару месяцев. Да, это первым делом. Ещё что? У него была женщина... Типичная липучка, готовая прилипнуть даже к такому, как Валера, если у него есть хороший дом с кондиционером, еда и витамины от проказы. Бабёнке не откажешь в некоторой привлекательности. Имя, фамилия, откуда она родом? Скорее всего всё выдуманное, но нужно будет проверить. Вдруг она настоящая, и о ней есть информация. Её звали Марта... А фамилия? Рябых... Точно. Рябых, – память уполномоченного подводила редко, и он припомнил, что ходила эта Марта Рябых по дому Генетика в шортах в обтяжку и малюсенькой майке, которая не прикрывала живота. – Ей было что показать».

В общем, просидев в машине минут пятнадцать, он наконец решил всё-таки с чего-то начать. Перейти от размышлений к действиям. Он было собрался ехать, но, прежде чем тронулся, из чёрных туч пролилась вода. Дворники и лобовое стекло его хорошей машины, собранной где-то далеко на севере, были больше рассчитаны на пыль и песок. А колёса на сухой грунт. Ну а аккумулятор и вовсе был не очень хорошо защищён от луж. Так что ехал уполномоченный не спеша. Зато ещё раз успел всё обдумать.

Район Шиши. Тут с прошлого его посещения кое-что изменилось. Барханы почернели от воды, а колючка и кактусы расцвели буйным цветом, озеленив все проплешины между песчаными волнами. Сам же песок, как и прошлый раз, начинался прямо там, где заканчивались дома. А дома тут соответствовали местности. Обшарпанные бетонные коробки, которые не очень-то часто красили, это было особенно заметно в сезон дождей. На сей раз тут былолюдно. Встречались и женщины. Во-первых, потому, что сейчас не было необходимости прятаться от солнца. А во-вторых, они собирали зелёную, вкусную и полезную растительность, выросшую прямо за их домами. Свирепая колючка, которую весь год можно использовать только как топливо, в сезон дождей в изобилии давала прекрасные зелёные побеги. И теперь эта вкуснятина была доступна всем, а не только тем горожанам, у которых имелась куча денег. Женщины несли эти побеги домой в пластиковых тазях и с интересом глазели на дорогой электромобиль, который занесло к ним скорее всего случайно. Горохов надел свой прекрасный респиратор и вышел из авто прямо напротив тяжёлой двери дома, в которой ещё не очень давно жил его приятель. Он не стал сразу звонить в дверь, которая была заперта, а прошёлся вокруг дома. Отметил для себя, что песка у задней стены стало ещё больше и следов вокруг не было – впрочем, двадцать минут назад тут шёл настоящий ливень, – а ещё с крыши дома исчезли все солнечные панели. И лишь осмотрев дом, уполномоченный подошёл к двери и нажал кнопку звонка. Но ничего не произошло, он даже не услышал звука. Он ещё раз нажал на кнопку, но это скорее для того, чтобы убедиться в том, что звонок не работает. После этого уполномоченный постучал в толстый металл двери ключами. Подождал, прислушался и ещё раз постучал. И лишь после этого за дверью кто-то «ожил», и звякнул засов. В приоткрывшейся щели появилось лицо мужичка, может, и не старое, но уже тронутое проказой.

– Вам кого?

– Кто вы такой? – строго спросил уполномоченный вместо того, чтобы ответить на вопрос.

– Живу я... тут..., – немного растерянно от такой строгости отвечал мужичок.

– Тут должны жить другие люди, – всё в том же духе продолжал Горохов.

И так как на это жилец ему не ответил, он, не дожидаясь приглашения, потянул на себя дверь, которую новый хозяин дома удержать и не пытался.

Он вошёл и огляделся, но ничего толком не разглядел: в доме окна были очень маленькие, а свет включен не был. Тогда уполномоченный взглянул на стоящего рядом мужичка и, поняв, что тот не пошевелится, чтобы помочь, щёлкнул выключателем у двери. Но света не прибавилось. Он ещё раз щёлкнул и услышал женский голос из темноты:

– Да нету у нас тут электричества.

Горохов лезет в карман и достаёт фонарик. На пороге той большой комнаты, где у Валеры была лаборатория с ваннами, стоит женщина. Он светит ей прямо в лицо, она закрывает глаза ладонью, но уполномоченный всё равно видит, что и её лицо поражено болезнью. Над губой тяжёлый тёмный желвак, и ещё одно пятно на подбородке.

Шаря лучом фонарика по углам, Горохов проходит дальше, ищет что-то, но толком и сам не знает что. Потом, чуть отодвинув женщину, заглядывает в «лабораторию». Ни ванн, ни оборудования, даже крепких лабораторных столов – и тех нет. Только в тряпье под малюсеньким окном спит ребёнок лет семи. Кажется, девочка.

Рядом с её импровизированной кроватью краснеет небольшой пластиковый мяч, детское ведро, лопатка.

Ребёнок. Его как осенило: «Кончено, как я мог забыть! Я же собирался выяснить, кто этот мальчик! Марта Рябых познакомилась с Валерой, приведя к нему мальчика с простреленной рукой. Какой-то врач хотел руку ампутировать. Но Марта привела его к Валере. Это было месяца два-два с половиной тому назад. Генетик, кажется, говорил, что этот мальчик был её

родственник». Горохову больше нечего тут искать; всё, что могло напомнить ему о его старом приятеле, давно из этого дома исчезло.

– Здесь сейчас, наверное, много пауков, – замечает наконец он.

– Пауков-то не очень много, – вдруг обрадовался мужичок тому, что пришедший уже говорит вполне миролюбиво.

– Клещи донимают, – сразу подхватила разговор женщина. – Одолели, сволочи.

– М-м... А давно вы тут живёте?

– Так три недели как приехали, – объясняет мужчина, – пока работу нашёл – я на опреснителе работаю, – пока туда-сюда, вот прижились... Думаем...

Но Горохов не стал его слушать – он и так знал, что расскажет этот несчастный человек про то, как они уехали из какого-то оазиса, так как там совсем стало невмоготу, – и перебил его:

– А когда вы сюда заехали, тут что-нибудь было? Оборудование какое-то? Вещи?

– Нет, нет, – за своего мужичка отвечала женщина, – ничего не было. Ничего. Коробка одна пустая.

– И электричества не было, все провода сняли, – дополнил её ответ новый хозяин Валериного дома.

– Ну ясно, – уполномоченный пошёл к двери, а около женщины остановился, полез в карман, хотел достать полрубля, но под руку попался рубль целый. Он протянул его хозяйке:

– Купите себе антибиотиков, купите полный цикл, у вас проказа прогрессирует.

Глава 4

У Наташи брюшко уже заметно. Но это не останавливало её, она последнее время была очень деятельной. Сейчас она обустраивала квартиру. Раньше им кое-как хватало и двух комнат, парни жили в одной, он с Натальей в другой, но недавно она познакомила его со своей дочерью Татьяной, и Горохову очень понравилась тихая и умная девочка. Может быть, вырастет ещё и красивой, в мать. И он предложил Наташе забрать дочь от родственников. Учитывая, что у них и без Татьяны намечалось пополнение, им нужна была новая квартира. Дом. Кажется, он уже начал стареть, и бесконечные его скитания по бесконечным пескам ему осточертели. Горохов замечал, что в нём не осталось той лёгкости, с которой он ещё пару лет назад собирался в пустыню. Оружие, сумка с самым необходимым, вода, бензин, немного денег, и вот он уже готов сесть на мотоцикл. И гнать его сутками через барханы, чтобы исполнить приговор, выписанный Трибуналом. Может быть, даже за эту его вечную готовность начальство его всегда высоко ценило. Теперь всё становилось иначе. Последнее время ему приходилось готовиться к каждому заданию. Настраиваться на него. Всё чаще думал о своей женщине, о тех двух оболтусах, которых он, честно говоря, не очень-то любил. Особенно старшего.

А ещё, он понял это совсем недавно, ему нужно место, где его будут ждать. Да, он старел. Когда Горохов был молод, даже недавно, лет пять назад, ни в чём подобном он не нуждался.

– Найди жильё, где мы могли бы разместиться все, – он погладил Наташу по животу. – И мы, и Татьяна, и парни.

Базарова взглянула на него и, кажется, была немного удивлена:

– Это должна быть большая квартира.

– Да, большая. Или дом. Пусть там будут хорошие кондиционеры и солнечные панели. Побольше панелей.

– Хорошо. А район? – продолжала удивляться женщина, подойдя к нему вплотную и касаясь его своим животиком.

– Выбери какой хочешь, – Горохов обнял её.

– Любой? – Наталья удивлялась всё больше.

– Любой.

– Андрей..., – она всё ещё не отрываясь смотрела на него. – Ты, что, неожиданно разбогател?

– Ну, не то чтобы разбогател... Но семь-восемь тысяч на новое жильё мы можем потратить, – он погладил её по спине.

– Восемь тысяч? Я всегда знала, что ты крутишь какие-то делишки у себя на работе, – заявила Наташа.

– А я всегда знал, что ты у меня очень наблюдательная, – Горохов говорил это с максимальной искренностью. И добавил: – Восемь тысяч – это из расчёта, что за эту нашу квартиру мы сможем выручить три двести, а может, и три с половиной тысячи, так что если я и богат, то не баснословно.

Он улыбнулся. Ему было приятно видеть, как у его женщины загорелись глаза.

Уполномоченный уже понял, что эти уроды в консульстве всё равно не дадут ему пропуск-визу на север. Он несколько раз звонил туда, но его ни разу не соединили с консулом. И не пригласили для разговора. Тогда он решил действовать чуть иначе и позвонил прекрасной девушке Элле, что ходила перед ним по консульству в очень коротком платье и открыто предлагала встретиться. Но и с этим ничего не вышло. Как выяснилось из телефонного разговора с нею, очаровательная Эллочка оказалась весьма холодной стервой, которая без обиняков сообщила ему, что он её больше не интересует. И чтобы он больше ей не звонил. В общем, несмотря на все его заслуги и перед северянами, и перед Институтом – пропуска ему не видать. И скорее всего, причиной этому была гибель экспедиции Кораблёвой. А иногда, когда он всё обдумывал в очередной раз, ему казалось, что визу ему не дали бы ни при каких обстоятельствах. И консул знал об этом ещё при первой их встрече. Впрочем, это были ничем не подтверждённые домыслы. И из всего этого следовало одно. Ему нужно было обжиться тут, в Березняках-Соликамске. Поэтому уполномоченный и решил потратить несколько тысяч на новое жильё. И все хлопоты по этому делу возложить на Наталью Базарову. На свою жену. Мало того, Горохов, отправляя её смотреть первый дом, сказал ей:

– Если понравится, оформляй его на себя.

Она снова удивилась, даже перестала одеваться, так и замерла возле комода с брюками в руках:

– То есть только на меня?

– То есть только на тебя. Моё имя можешь не упоминать, – подтвердил уполномоченный.

– Андрей, – Наталья была сейчас очень серьёзна. – Ответь честно, у тебя, что, неприятности на работе?

– Неприятности? – Горохов засмеялся, и притом весьма правдоподобно. А потом продолжил с наигранной серьёзностью: – Женщина, что за глупости у тебя в голове? Просто теперь мне кажется, что ты от меня уже не сбежишь, поэтому я могу сделать тебе подарок.

Он видел, что этот его ответ её не устроил, но она не стала развивать тему, промолчала – скорее всего, отложила на потом – и начала одеваться. А он закончил разговор:

– В общем, выбери то, что тебе понравится. Я всё оплачу.

И она начала выбирать. И ладно бы сама суетилась, он готов был поддерживать все её затеи и решения, так она всё время подкидывала разные занятия ему самому. Казалось, что ей нравится таскать его смотреть квартиры или дома и бесконечно обсуждать их после просмотра. Хотя ему-то как раз было всё равно, он родился, вырос и значительную часть своей жизни провёл в таких мрачных дырах, о которых его городская и избалованная комфортом женщина и представления не имела. Для него всякий осмотренный ими дом казался отличным.

– Выбирай, что хочешь, – говорил своей женщине Горохов, надеясь, что она отстанет от него. Но Наталья не отставала, а ещё и начинала злиться из-за его равнодушия, что для неё было нехарактерно. Ведь Наталья до этого времени умела удивить его не столько своей физической привлекательностью, сколько умением контролировать свои эмоции и вести себя. Теперь же она сдерживаться перестала и выговаривала ему, как старая жена:

– У меня создаётся такое впечатление, что тебе плевать.

– Плевать? На что? – не понимал он.

– Да на всё! На то, в каком доме будет жить твой ребёнок.

Уполномоченный наблюдал за её поведением и сразу думал о её положении и о том, что она всё-таки избалована, а ещё о том, что она, даже беременная и раздражённая, всё равно лучше, чем своенравные жёны казаков.

Поэтому он с ней и не спорил.

– Нет, мне не всё равно, я просто не умею выбирать, я купил бы первую квартиру, что мы посмотрели.

Может быть поэтому – чтобы не ездить каждый день смотреть новый дом, – уполномоченный каждое утро собирался и уезжал в контору, несмотря на то что официально считался в отпуске. Там полдня торчал в общем зале, где с такими же «отдыхающими» болтал и выпивал понемногу за счёт «заведения». Он надеялся, что Наталья с утра посетит очередную квартиру, устанет и уже не потащит его смотреть следующую. Она ведь и вправду стала быстро утомляться в последнее время.

А в этот день у него был настоящий повод пойти на работу. Горохов подготовил список фактов, вводные данные, с которых можно было начинать поиск Генетика. Он все их выписал на листок, чтобы Поживанову не пришлось записывать самому.

В приёмной у начальника Отдела Дознаний никого не было, и уполномоченный, постучавшись, приоткрыл в кабинет дверь. А вот в кабинете у комиссара было несколько человек, шло какое-то заседание.

– Товарищ старший уполномоченный, вы ко мне? – увидел его Поживанов.

Уполномоченный кивнул.

– Через пятнадцать минут зайдите, я отпущу людей.

Горохов опять кивнул и закрыл дверь, а через двадцать минут уже сидел перед Поживановым, который рассматривал листок с вводными, растирал себе затылок и вздыхал. И эти вздохи сразу Андрею Николаевичу не понравились.

– Чего?

– Марта Рябых, – произнёс комиссар. – Это его женщина? Та, с которой он пропал?

– Да. Знаешь её, что ли? – обрадовался было Горохов.

– Да откуда? – Поживанов покачал головой. – Думаю. Выстраиваю картину. Но я вот что тебе скажу..., – тут он поднял голову.

– Что? – уполномоченный насторожился; поведение Сергея Сергеевича выглядело не очень обнадеживающим.

– Я тут поинтересовался твоим приятелем, – он снова сделал паузу, – ну и мне кое-что порассказали про него.

– Ну не тяни тогда, и мне скажи.

– Короче, он там чем-то занимался, ну, этими всякими своим делами генетическими, и ему, как толковому, выдали машинное время на главном компьютере. Но только на утверждённую программу, а он отказался от программиста, мол, и сами с усами, и втихаря стал гнать какую-то свою тему. Тема была левой. Ему сказали: ты давай не безобразничай, компьютерное время бешеных денег стоит, а ты вместо утверждённой программы гонишь какое-то мракобесие антинаучное.

Андрею Николаевичу эта история казалась вполне похожей на правду, Валера мог выкидывать подобные фокусы. Вот только он не знал, что его приятель не только в генетике разбирался, но и с большими компьютерами мог работать. Впрочем, от Валерика всего можно было ожидать.

А Поживанов продолжал:

– В общем, твой приятель тему обговоренную особо не разрабатывал, а занимался своим вопросами, – и тут генерал-майор сделал паузу для придания следующей информации зна-

чимости. – А дальше он стал со своего терминала залезать в главный компьютер и качать оттуда разную информацию, которой Институт очень дорожил. Люди из безопасности Института поначалу не могли понять, кто качает данные, но потом вышли на него, хотели его припереть, но он отказался наотрез: не я, и всё. А доказать, что это он качал, так и не смогли. И тогда его из Института попросили.

– И не заплатили ему за технологию протоплазмы, которая необходима для ускорения процессов регенерации. Которой он меня за пару дней из инвалидности вытащил, – добавил Горохов.

– Возможно, – Поживанов развёл руками. – Значит, они все остались друг другом недовольны. И все считают, что у них есть на то веские основания.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил уполномоченный, хотя и сам всё уже, кажется, понимал.

Тогда Комиссар посмотрел на него с выражением: ну зачем ты меня об этом спрашиваешь? Но всё-таки ответил:

– Ну, если твой дружок и вправду увёл у парней из Института что-то важное, то они, скорее всего, обиделись на него.

– Думаешь, нет смысла его искать? – спросил уполномоченный.

Поживанов пожал плечами:

– Я, конечно, выделю на твой вопрос двадцать-двадцать пять человеко-часов, но... Никаких гарантий. Сам понимаешь, если ты заводишь таких врагов, как Институт...

Горохов всё понимал. Если то, что ему сейчас рассказал начальник Отдела Дознаний, хотя бы наполовину было правдой... Тем не менее Андрей Николаевич попросил:

– Слушай, Серёжа... Ты назначь на это дело кого потолковее. Пусть хоть немного поработают. Ну а не найдут ничего, значит... Не найдут, я сделал всё, что мог.

Комиссар, не вставая, протянул уполномоченному руку.

– Сегодня вечером на совещании назначу самых толковых. Всё, давай, Андрей, у меня ещё дел по горло.

Горохов пожал ему руку и покинул его роскошный кабинет.

Он поздоровался со всеми коллегами из тех, что были в комнате отдыха, но сел в низкое кресло отдельно от них. Забился в угол, под кондиционер, взял стакан с ледяным коктейлем у официантки, удобно вытянул ноги на ковре. Задумался.

Впрочем, думать тут было особо не о чем. Если Валера и вправду уводил информацию у Института, искать его было почти бессмысленно. Степь вокруг Соликамской агломерации была огромна, а из реки тоже никто не выныривал. Только одно сомнение было у уполномоченного: Валера никогда не говорил ему, что на «ты» с компьютерами. Нет, он, конечно, работал с программами – и с тем же электронным микроскопом, который наполовину был компьютером. Но чтобы вот так, походя, ломануть один из самых защищённых серверов здесь, на юге, да ещё так, что тебя не сразу смогли вычислить, а вычислив, не смогли доказать, что «ломал» защиту ты – это всё-таки нужно уметь. Это уровень компьютерной подготовки повыше, чем уровень «электронного микроскопа». А с другой стороны, как ни крути, а Валерик был безусловно очень талантливым пареньком, а талантливый человек, как говорят, талантлив во всём. В общем, нужно было ждать. Может, ребята Поживанова и вправду что-нибудь наруют, в его отделе имелись толковые сыскари.

Глава 5

– Смотри, что я тебе купила, – Наталья была горда собой, когда разложила на кровати перед Гороховым интересную кофту. Или свитер, он толком не знал, как эта вещь называется. – Их было мало, привезли с севера только вчера, вчера вечером разгрузили баржу, и сегодня уже всё сразу разобрали. Некоторые жадные бабы брали по две.

– А это не женское? – на всякий случай спросил Андрей Николаевич.

– Андрей! – она смотрит на него серьёзно и исподлобья, она всегда так делала, когда не могла понять, шутит он или нет.

– Просто цвет немного вызывающий, – продолжает сомневаться он. – Как-то не привык я носить красное.

– Нормальный цвет, – уверяет женщина. – Тем более, что это никакое не красное, этот цвет называется «закат». Примерь.

– Сейчас что ли? – удивляется уполномоченный.

– Нет, в ноябре, – ехидно замечает его женщина.

Беременность даётся ей нелегко, и он понимает это, поэтому не спорит с нею. Молча скидывает пиджак и надевает кофту. Никакого сравнения с пиджаком. Под пиджак можно спокойно спрятать кольчугу. И пистолет. В рукав нож. А в карманы и рацию, и фонарик, и кучу других полезных в его работе вещей. А тут куда всё прятать? Кофта хорошо сидит, что называется, по фигуре. По его хорошей мужской фигуре. Но это вещь явно не для его работы. Не для его стиля жизни. Это для модников.

– Идеально, – она подходит к нему и расправляет на кофте «плечи», – села изумительно. Можешь вместо пиджака надевать на работу.

– Да, наверно, – соглашается он. А сам думает: «Хорош я буду в одинаковых кофтах с начальником Отдела Дознаний. Сдаётся мне, что этому пижону моя обновка не понравится».

А потом ему пришлось в этой самой кофте ехать с Натальей смотреть квартиру, которая его заинтересовала.

Разбитной мужичок, расписывающий достоинства квартиры, уверял их, что здесь всегда есть вода, из-за близости водонапорной башни, а ещё что в этом районе никогда не бывает ни пауков, ни клещей. Квартира была просторной, в ней хватило бы места всем, и новой. Уплотнители на окнах и дверях были отличные, что позволяло избежать в доме пыли, это Наташе нравилось. Находилась квартира на третьем этаже и даже имела большое окно с видом на город – как уверял продавец, вечером из него был отличный вид, – но, как выяснилось, в доме был центральный кондиционер, что не понравилось Наташе, а ещё из-за узости проходов внести в неё некоторую мебель не представлялось возможным. И хитрый продавец просил за эту квартиру девять тысяч двести рублей. В общем, квартира была отвергнута.

А после осмотра они зашли в хороший ресторан, где Наталья, к удивлению уполномоченного, съела отбивную из варана такой величины, которой он наелся бы и сам, а ещё целую миску свежайших побегов в дорогом соусе из серого кактуса. И когда женщина ловила на себе его удивлённый взгляд, она с некоторым раздражением говорила:

– Что ты на меня так смотришь? – и оправдывалась. – Я есть хочу!

В тот день Андрей Николаевич в контору пришёл к двенадцати, то есть когда многие с работы уже уходили, – он снова ездил смотреть квартиру. И в гараже его встретил Дима Евсеев, юный, но толковый парень, служивший, как и сам Горохов, в Отделе Исполнения Наказаний.

– Андрей Николаевич, вас секретарь комиссара Поживанова спрашивал.

– Понял, – пожимая руку молодому коллеге, отвечал Горохов.

– Два раза приходил. Говорил, что дозвониться вам домой не может.

– Спасибо, Дима, я зайду к комиссару.

Уполномоченный понял, что начальник Отдела Дознаний что-то «нарыл» для него. И сразу пошёл к нему. Правда, Горохову пришлось прождать почти час, пока совещание у комиссара закончилось. Когда же секретарь наконец пригласил его в кабинет, Поживанов прохаживался по своим коврам и потягивался, выгибая спину. Он поманил Горохова рукой:

– Заходи-заходи, Андрей.

– Есть время? – Горохов подумал, что правильно сделал, что не надел купленную Натальей кофту. Иначе они оба в глазах да хоть того же секретаря Поживанова выглядели бы сейчас по-идиотски.

– Да, есть. Всё на сегодня, отработал, – доложил Сергей Сергеевич и полез в свой прозрачный холодильник. – Можем выпить по маленькой.

Они расселись, и теперь Поживанов уселся не к себе за стол, а на стул рядом с уполномоченным. Расставил рюмки, закуски, разлил выпивку: «Ну, давай!». Они чокнулись, выпили.

– Я так понял, твои парни нарыли для меня что-то?

– Угу, – кивнул начальник Отдела Дознаний, сам в это время закидывая себе в рот тончайшую нарезку из вяленой дрофы. – Есть кое-что.

Горохов был весь во внимании, а комиссар продолжал:

– Я же обещал тебе, что поставлю на дело толковых мужиков. В общем, мы с ними подумали и решили: один по деловым всё пробьёт, второй по этой Марте Рябых. Короче, деловые все как один твоего Валеру уважали: про документы ни у кого не спрашивал, лечил отлично, говорят, мёртвых поднимал, бывало, что и в долг. В общем, в этих кругах был уважаемым лепилой. К нему приезжали издалека. И никто на такого не покусился бы, даже если он как-то там накосячил. Однако у него был дом на отшибе, могли какие-то отбитые налететь в смысле грабежа, но ты сам сказал, в доме почти ничего не взяли.

– Да, а там было что взять, – вспоминал уполномоченный.

– Если бы грабили, а Валеру и его женщину убили, то трупы не стали бы забирать, на кой им трупы? Забрали бы всю медь. Но трупов ты не нашёл.

– Я и следов крови не видал.

– Вот, – соглашался Сергей Сергеевич. – В общем, версию о бандитской мести или о грабеже мы можем отместить. И остаётся у нас две версии. Институт свёл с ним счёты за уведённую информацию. Эту версию мы пока оставим. И красотка Марта Рябых, что появилась у него за месяц до исчезновения. За месяц?

– Ну, где-то так, – пытался прикинуть Андрей Николаевич. – Или за полтора. Может, за два.

– Один месяц или два... – тут комиссар самодовольно усмехнулся. – Ты удивишься, но мой человек узнал почти точно, когда у твоего друга появилась эта Марта.

Горохов молча ждал продолжения, и комиссар продолжил:

– Герман Каховцев, знаешь его?

– Здравствуемся, – ответил уполномоченный.

– Так вот, он сразу подумал, что эту Марту искать нет смысла, сегодня она Марта Рябых, завтра Дарья Косых, документов у неё ты не видел, а может, их и вовсе нет. И пошёл наш Герман по докторам, которые работают с малообеспеченными пациентами. Он определил временной отрезок и стал «копать» обращения с огнестрелами. Искал детей с пулевыми ранениями.

– И нашёл! – догадался Горохов.

– И нашёл, – довольный собой и своими умными сотрудниками, кивал комиссар. – Догадайся, как была фамилия того мальчика?

– Да не знаю я, – Горохов даже и гадать не стал.

– Звали мальчика Коля... Рябых, – улыбался Сергей Сергеевич. – Врач Вайман осмотрел его и предложил родителям лечь в клинику для восстановления руки, но предупредил, что счёт за восстановление может быть в районе двух тысяч рублей. Денег таких у родных Николая не было. И тогда врач предложил ампутацию, но от ампутации родственники мальчика отказались.

– Адрес их есть? – сразу заинтересовался Горохов.

– Я знал, что ты спросишь, – ответил начальник Отдела Дознаний. Он привстал и взял со стола небольшой листок. Положил его перед уполномоченным. – Родители мальчика работают

в коммунальном предприятии Соликамска, отец водитель пескоуборщика, мать кладовщик, – он взял бутылку и снова наполнил рюмки. – Дальше ты сам давай. Думаю, что версия «живая», учитывая, что на эту Марту ты в своей записке делал акцент.

Живая. Да, живая. Горохову было невтерпёж, но нужно было посидеть с комиссаром ещё немного, хотя бы для приличия.

Три часа дня, как раз время, когда все уже вернулись с работы и готовят свои обеды. Здесь, на самом юге Березняков, домишки так себе, маленькие бетонные коробочки, что жмутся друг к другу. Облупленные, с ржавыми дверьми. Дожди смывают с них белую краску, от этого они кажутся заброшенными. Дорогу у нужного дома от песка убрали, но глина не пропускает дождевую воду. Длинные лужи тянутся вдоль всей улицы. Лужи чёрные от пылицы цветущей пустыни. Водой из них можно сильно отравиться. Зря он поехал на электромобиле. Уполномоченный едва нашёл место, где смог припарковаться. Машину нужно было поставить так, чтобы она никому не мешала и чтобы в случае дождя поднявшаяся в лужах вода не добралась до проводки.

Горохов вылез и огляделся. Вокруг никого. Так устроена жизнь в этих районах. Три часа дня – всем нужно ещё час прятаться от солнца. Даже в сезон дождей это правило не меняется. Только группка детей сутилась у луж, наверное, ловили там мерзких и кусачих личинок цикад. Обычная детская забава в сезон дождей. Уполномоченный внимательно смотрит вдоль улицы, ищет глазами ветротурбины, кондиционеры, солнечные панели. Всего этого тут не очень много, что Андрея Николаевича не удивляет. Этот район мало походил на те, где Наталья подыскивала новое жильё. Азотчики. Самый южный край всей агломерации. Уполномоченный остановился у нужного дома. После дождя кто-то открывал дверь. У входа он нашёл и следы от обуви. Мужские и женские. Обычные ботинки, удобные для ходьбы. Наверное, люди вернулись домой и сели обедать. Но он их сейчас потревожит. Горохов поднёс руку к звонку...

И на пару секунд задумался. «А на кой чёрт мне всё это нужно? Что я суету развожу? Поживанова с его людьми напрягаю, вот сейчас незнакомых людей буду изводить вопросами. Валеру я всё равно уже, наверное, не найду».

Он ещё раз огляделся: почерневшие улицы, облупленные дома со ржавыми дверями. И тут ему в голову пришла на удивление простая мысль. В этом умирающем мире Валера, при всей его несуразности и странности, был тем, кто помогал людям выжить. Просто помогал людям выжить. Поднимал из могил, лечил в долг, брался лечить тех, у кого не было денег на дорогие клиники.

И это при том, что Валера не был сильным человеком, он не мог себя защитить. А вот старший уполномоченный Горохов сильным был. И смыслом своей жизни считал защиту тех, кто слабее. И теперь этот сильный человек хотел знать, что произошло с Генетиком. Поэтому он сюда и приехал. Поэтому он поднял руку и нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – донеслось из-за двери через некоторое время.

– Михаил Рябых и Роза Рябых тут проживают? – как можно более миролюбиво спросил уполномоченный.

– А что вам нужно? – продолжал диалог некто, казалось, не собираясь открывать дверь.

– Я по поводу нападения на Колю Рябых. Хотел задать вам и ему пару вопросов.

– Вы из милиции, из муниципальной?

– Да, следователь Сорокин. Муниципальная Криминальная Служба, – Горохов достал из внутреннего кармана пиджака милицееское удостоверение. Но не нашёл глазка камеры на двери. – Я могу показать документы.

Кто-то за дверью негромко переговаривался – судя по всему, ему тут были не рады, – и тогда он сказал:

– Мне нужно задать всего пару вопросов. Михаил, Роза, – когда люди тебе не доверяют, нужно обращаться к ним по именам и назвать своё имя, это иной раз помогает. – Моя фамилия Сорокин, я следователь. Я не отниму у вас много времени.

Только после этого ему наконец открыли дверь. И едва она приоткрылась, он просунул в щель своё удостоверение: вот, смотрите. Показал, вошёл и сразу снял респиратор, чтобы хозяева могли увидеть его лицо.

У мужчины старенькая винтовка в руках, а его жена... Горохов заметил, что она прячет в карман комбинезона маленький пистолет. Ну, это его не сильно удивило. А ещё он отметил, что в доме чисто, нет пыли, песка на полу и чёрной грязи тоже нет. Пахнет горячим кукурузным хлебом, но душно. Кондиционер еле-еле шуршит. Люди явно экономят на электричестве. Пройдя в комнату, он увидел мальчишку – конечно, это был Николай – и ещё девочку лет десяти. Перед ними тарелки с тыквенной кашей, в которой было больше крахмала, чем тыквы. И с краю, рядом с кашей, маленькие горки жареной саранчи.

«Хорошо, что прихватил с собой две банки».

– Привет, ребята, – уполномоченный проходит к столу, на ходу вытаскивая из кармана две маленькие баночки из белого пластика.

Он ставит баночки перед детьми, и те, даже не ответив на его приветствие, хватают гостинцы, начинают рассматривать красивые этикетки, и девочка сразу спрашивает у него:

– А это что?

– Яблочный мармелад, – отвечает уполномоченный.

– А это что? – продолжает интересоваться ребёнок.

– Это такая вкусная вещь, сладкая. Его мажут на хлеб, когда пьют чай.

– Я знаю, – тут же заговорил паренёк, – яблоки растут на деревьях. Там, на севере, у моря. Это такие персики.

– Ну, что-то типа, – соглашается Андрей Николаевич.

Родители стоят рядом и слушают, как он общается с их детьми. Они всё ещё настороже. Ничего, он знает, что они успокоятся, а когда успокоятся, он заговорит с ними, пока же ему лучше разговаривать мальчишку.

– Мама, я хочу чай, – сразу сообщает девочка, пытаясь распечатать баночку.

– Стоп, стоп, – останавливает её уполномоченный, посмеиваясь. – Чай с мармеладом пьют только после каши, – девочка смотрит на него с недоверием, но он настаивает: – Только после каши.

И пока она нехотя брала ложку, уполномоченный переключился на мальчика:

– Слушай, Коля, я хотел, чтобы ты вспомнил тот случай.

– Это когда в меня стрельнули? – догадался паренёк.

– Да. Расскажи мне, как это произошло.

– Да я уже сто раз рассказывал, – Коля крутит коробочку с мармеладом в руках; ему, кажется, лень, но этот незнакомый дядька принёс такую интересную и, наверное, вкусную вещь, что он соглашается.

Глава 6

– Ну, мы с ребятами там, на барханах, за опреснилкой, собирали клещей, – начал мальчишка.

– На козодоев хотели поохотиться? Хотели силки поставить? – догадался уполномоченный.

– Ага, – кивнул Николай. – Ну, и тут это... Проезжали мимо двое...

– На чём?

– На мотоцикле.

– Степные? Городские? – уточнил Андрей Николаевич.

Мальчик пожал плечами:

– Да обычные такие... В пыльниках, в масках. Я уж и не помню.

– Коль, ты вспомни, человек не зазря сюда пришёл, – просит ребёнка мать. А тот только морщит лоб: показывает, как вспоминает изо всех силёнок. Горохов же продолжает:

– Мотоцикл какой был, не помнишь?

– Да нет... Черный, что ли...

«Чёрный! Никто не красит транспорт в чёрный, на солнце в полдень до ста градусов бывает, пластик и резина – всё раскаляется, теряет структуру, становится мягким, иной раз и бак, если плотно закрыт, может распереть. Чёрный! Парень ни черта не помнит!».

– Хорошо, и что дальше было?

– Ну, один такой слез и кричит: Рябых, Рябых... Ну, я подошёл, говорю: чего? А он говорит: ты Коля Рябых? Я говорю: ну, я. А он достаёт пистолет Галанина и стреляет мне в руку ни с того ни с сего. И всё, и уходит... Ничего даже не сказал. Садится на мотоцикл... И они уезжают.

– А ты всё помнишь...? Ну, как он на мотоцикл сел, как уехал?

– Ну, так... Плохо...

– Больно было? – сочувствует уполномоченный.

– Да не особо, – удивляет его мальчишка. – Как будто сильно ударили по руке, а потом как будто её отлежал, а так и не больно поначалу... Потом больно было... Когда по докторам ездили, – и добавляет гордо: – Но я терпел...

– Ты молодец, – хвалит его Андрей Николаевич. А сам берёт руку мальчишки и рассматривает её.

Рука ребёнка. Десятимиллиметровая пуля из пистолета системы Галанина могла эту руку просто оторвать. Три-четыре таких пули хватает крупной сколопендре.

Рука ниже локтя чуть блее всей остальной, кости в руке немного искривлены. Но на вид она вполне здорова, крепка и работоспособна. Так же, как и левая рука самого уполномоченного, которую так же восстанавливал заика Генетик. И Андрей Николаевич продолжает свой допрос:

– Слушай, Коль... А может, ты тех мужиков разозлил как-то?

– Да как? – вспыхивает паренёк. – Мы на барханах сидели, песок просеивали. Колючку осматривали. Клешей собирали.

– Может, ты обзывал их когда-то, может, мотоцикл хотел украсть, а может, кто из твоих друзей хотел угнать у них мотоцикл и мог назваться твоим именем. Ты знаешь, в степи с теми, кто пытался украсть мотоцикл или ещё какой транспорт... с ними не церемонятся. Бывает, что отрубают руки.

– Вы знаете..., – начала было мать мальчишки, но Горохов остановил её жестом: помолчите. Пусть он говорит.

– Нет! – возмутился парень. – Я ничего такого... Я ни у кого мотоциклы не воровал...

Впрочем, Горохову это и так было понятно, увести степной мотоцикл Коля не смог бы, у него просто ни веса, ни силы не хватило бы, чтобы с ним справиться. Но весь этот разговор с мальчишкой не имел особой цели, он был нужен скорее как подготовка главного разговора, разговора с его родителями. И он, потрепав парня по вихрам, повернулся к ним:

– А вы его сразу повезли к доктору Вайману?

– Мужа дома не было, – заговорила женщина, – а я с работы уже пришла – и тут такое... Ой, у меня чуть сердце не оторвалось...

– Я вас прекрасно понимаю, – кивал уполномоченный.

– Да погоди ты, – прервал её супруг, – человек пришёл сюда не про твоё сердце слушать. Ты по делу говори...

– А, ну вот... Я, как мать меня учила, сразу ему перетянула руку выше раны, дала таблетки, воды немного дала и повезла его в медпункт. Оттуда и мужу позвонила на работу. Док-

тор нас без очереди принял, укол сделал, руку осмотрел, сразу скобы поставил от кровотечения, шину примотал, в общем, хороший врач.

– Да, хороший, – согласился Андрей Николаевич. – Но, как я понимаю, денег у вас на клинику не было, но руку парню не ампутировали. Как же вы разрешили этот вопрос?

– Так муж в тот же день сообщил отцу Марку о нашей беде. А у нас община очень дружная, сразу нашлись люди, которые взялись помочь, – сообщила женщина.

– Отец Марк нам из казны общины выделил немного денег на обезболивающие, – заговорил отец ребёнка. – Кольке же нужны были обезболивающие всё время. Два часа проходит – укол, два часа – ещё укол. Ну вот община и дала денег.

– Хорошая община, – похвалил Горохов, – а вы к какому приходу принадлежите?

Тут муж с женою переглянулись, и, видно, женщина оказалась порешительнее, она и ответила:

– Мы братия и сестры Светлой Обители.

– Братия и сестры... Угу... Ясно...

Уполномоченный по роду своей деятельности должен был знать о всех существующих культах – кроме обычных религий, на всех территориях степи распространялись ещё несколько видов верований шаманизма и поклонения Небу, в общем-то ничего необычного, – но об этом культе он слышал впервые. Ему не нужно было акцентировать внимание на том, что для него это направление было незнакомо, и он понимающе кивнул: а, ну да, Светлая Обитель... Слышал, конечно. И спросил:

– Так как вы вылечили вашего парня?

– У нас в общине есть сестра Мария, – продолжала рассказ женщина, – она и взялась за это. Сама вызвалась.

– Да, как увидела руку Кольки, так и говорит: я его вылечу, доверьтесь мне, и денег не возьму, – рассказывал отец ребёнка. – Я бы ещё подумал, но отец Марк сказал: доверьтесь, доверьтесь, она сердцем чиста. Ну, мы и согласились.

– И она ж вылечила и ни копейки не взяла с нас. Удивительная женщина, – произнесла мать Николая назидательно, как будто Горохов это пытался оспаривать.

– Удивительная, удивительная, – соглашался уполномоченный; он-то как раз в этом не сомневался. Но ему нужны были кое-какие уточнения. – То есть отец Марк благословил её поступок? А можно с нею познакомиться? Она ещё ходит на ваши... ну, встречи?

– Нет, – сказал мужчина, – она тут пробыла недолго, пару месяцев назад уехала к себе.

– Угу, угу..., – картинка вырисовывалась всё отчётливее, оставалось только уточнить, о той ли женщине они говорят. – А эта сестра Мария... Она какая из себя была?

– О, – тут уже мужчина опередил свою жену, которая хотела что-то сказать по этому поводу. – Она женщина видная.

– Видная? – Горохову нужны были подробности.

– Ну, вся из себя, – тут отец Николая даже улыбнулся. И изобразил руками, как должна выглядеть женщина «вся из себя».

– А волосы у неё?

– Беленькая, – сообщил мужчина. – Кудрявая.

Но его жене такое описание явно было не по душе, и она опровергла эту информацию:

– Никакая она не беленькая, крашенная она, и кудри у неё от перманента. Но женщина она хорошая. Коле руку восстановил какой-то её знакомый врач, за неделю восстановил, и мы ни копейки никому не заплатили, – для матери это был самый весомый аргумент того, что сестра Мария хороший человек. И за это она готова была простить красотке крашенные кудри.

– Да, – соглашался уполномоченный, – встречаются ещё хорошие люди. Встречаются.

– А вы, наверное, теперь адрес этого врача хотите узнать? – предположил отец Коли.

– Да нет... Слава Богу, врач мне пока не нужен, – покачал головой уполномоченный. – А вот адрес вашего дома, Светлой Обители, я бы взял.

– Адрес нашего дома? – переспросил мужчина. И в нём, и в его жене проснулся настрожённый оптимизм. Горохов это сразу заметил. – А зачем вам наш адрес?

– Ну, знаете, хочется с кем-то поговорить иногда, – отвечал ему уполномоченный. И продолжил, вкладывая в слова всю свою убедительность: – Последнее время что-то не могу найти себе места, успокоения не могу найти, хороших людей вокруг почти не вижу, нечисть одна. А хотелось бы хоть иногда разговаривать с людьми, которые никого не грабили, никого не убивали. Ну или с людьми, готовыми помогать другим, с такими, как ваша сестра Мария.

– Тогда вам к нам! – с жаром истинно верующей заговорила женщина. – Вам нужно познакомиться с отцом Марком.

– Точно-точно, вам нужно к нам, к нам, – поддерживал её супруг. – Чистый человек наш отец Марк. Он днём работает на пирсах где-то, он машинист крана, а вечерами принимает людей. Или подождите до субботы, у нас общая молитва по субботам.

– Ну, до субботы мне ждать бы не хотелось.

– Так сегодня и приходите. Наш отец Марк никому не отказывает, со всеми говорит. И с вами поговорит, всё вам расскажет.

– И где же он всех принимает? – интересовался Горохов.

– У нас хорошее здание на Толыче, – похвалилась мать Николая.

– Да, на Толыч езжайте, – поддержал её супруг. – Там увидите двухэтажное здание, у него две ветротурбины. И вывеска красивая. Найдёте, не ошибётесь, отец Марк принимает с шести.

– Отлично, отлично. Значит, район Толыч, двухэтажное красивое здание с двумя ветротурбинами, – кивал уполномоченный. – А вы мне хоть в двух словах не расскажете о сути вашей религии?

– А мы не религия, – уверенно заявила женщина.

– Нет-нет, – согласился с ней мужчина. – Мы не религия. Мы против мракобесия и всякой эзотерики. У нас ни с попами, ни с шаманами ничего общего, – кажется, он гордился своей прогрессивной позицией.

– О, вот как? – удивлялся уполномоченный; он, признаться, не готов был услышать от этих людей подобных слов. – А в чём же суть вашего учения?

Как только разговор зашёл об их учении, так людей как подменили – ни настороженности, ни недоверия. Теперь мать и отец Коли Рябых готовы были друг друга перебивать.

– Наш пророк говорит, что мир меняется и скоро обычным людям в нём места не останется, – продолжил отец Николая, стараясь всё говорить быстро. Кажется, он был рад поделиться своими познаниями. – Поэтому нам всем нужно начинать меняться вместе с миром. Но прежде чем начать меняться физически, нужно подготовить себя к переменам, подготовить свой дух. И психику.

– Надо привыкнуть к мысли, что наши дети уже не будут выглядеть так, как мы, жить так, как мы..., – продолжила за мужа женщина. – Они будут другие, получше нас.

– А может, уже и нам удастся обрести новые формы, – развивал свою мысль мужчина. – Может, ещё и при нас перемены начнутся. И нам немного достанется.

– Это интересная мысль. Хотелось бы обходиться без респиратора.

– Да, а представляете, как это здорово – жить без кондиционеров? – спрашивала у уполномоченного мать Николая. – Или пить один раз в неделю. Ну, там... Два...

– Очень заманчиво, – соглашался тот.

– Ну что, вы ещё хотите узнать о Светлой Обители побольше?

– Вы даже представить себе не можете, как вы меня заинтересовали! – честно признался уполномоченный.

– Ну так приходите к отцу Марку.

– Обязательно приду..., – он сделал паузу. – Вот только я не понял, ваш отец Марк... А ещё вы упомянули пророка... Это одно и тоже лицо или...?

– Нет-нет, – сразу стала объяснять женщина, – пророк наш не здесь, он где-то далеко в пустыне. От него иногда приезжают проповедники, вот у нас месяц назад был один, – она зачем-то понизила голос, – он уже познаёт переход. Очень сильный человек.

– Мы мечтаем увидеть пророка, но до него не добраться, там долго идти через пески, через жару, только познавшие могут до него дойти, им жара нипочём, – добавил её муж. – Мы очень надеемся, что наши дети уже смогут увидеть пророка.

– Но лучше, чем мы, вам всё расскажет отец Марк, – закончила женщина. – Он поумнее нашего.

Глава 7

Уполномоченный не был уверен в своей версии, тем более что она была немного сложной. Сложнее, чем должна была быть. А ему, человеку опытному, было известно, что самые простые версии почти всегда самые верные. Допустим, какой-то крашено-кудрявой Марте-Марии нужно было познакомиться с Валерой. Но для этого ей нужно было всего-навсего встретиться с ним где-нибудь «случайно», а уж там такая, как говорил отец Коли Рябых, «вся из себя» – она заiku со внешностью, мягко говоря, странной охомутила бы без труда. Но нет, они... – «они!». Именно они, так как в таком случае эта Марта-Мария трудилась не одна – они пошли на серьёзный шаг, тяжело ранили ребёнка. Не побоялись. Надо ранить ребёнка – значит, ранят. Им просто был нужен был железобетонный и естественный повод познакомиться с Генетиком. Но почему? И тут ему приходил в голову только один ответ. Они знали, что за Валерой кто-то следит. Кто? Ну, например, Институт, а это организация серьёзная. Со своей весьма увесистой службой безопасности. С Институтom не забалуешь. Возможно, поэтому им и потребовался максимально реальный и абсолютно естественный вариант знакомства с Валерой. Да, женщина-родственница привела мальчика лечиться к странному доктору, потому что на настоящих докторов денег нет. Понятный и естественный мотив. Ну а там, как обычно случается, у этого доктора красotka и прижилась. Жизненно? Жизненно.

Жизненно. Но всё равно, вопросов по этой версии было ещё очень много, и два главных из них звучали так: кто эти «они» и что им нужно было от Валеры? Хотя относительно второго вопроса у него были мысли. У Валеры была куча своих технологий, которыми не побрезговал бы и сам Институт, – ну, по уверениям самого Генетика, конечно – в таком случае парни из Института могли продолжить с ним сотрудничество и после увольнения; или кудрявая Марта запросто могла быть сотрудницей этого замечательного научного заведения. Впрочем, одним Институтom круг любопытных не ограничивался. Нет-нет... Только на Севере могло быть несколько заинтересованных в Валере сторон, заинтересованных в его исследованиях, результаты которых тот ещё и приворовывал у пришлых. Военные, например. У них ведь было своё исследовательское ведомство. А очаровательная Люсичка... Эта хитрая и опасная баба ведь тоже на кого-то работала в этой сфере. На кого? Горохов даже и представить не мог, кто её заказчики. Вариантов было множество. А если ещё окажется правдой то, что Валерик увел из компьютера Института кучу важных научных сведений, то круг интересантов ещё больше увеличится. Все эти мысли роились в его голове, когда он ещё разговаривал с семейством Рябых. А вот выходя из их дома, он подумывал уже о следующем шаге: «Найти Марту? Сделать это будет очень непросто. Во всяком случае, разговор с отцом Марком откладывать нет оснований. Сегодня же после шести съезжу на Толыч, пообщаюсь с «чистым человеком». А пока можно и пообедать. Но лучше это сделать с Натальей, иначе опять будет говорить, что я убегаю от неё».

В общем, как говорил комиссар Поживанов, версия была «живой». Живой и полнокровной.

Андрей Николаевич, выйдя из дома семьи Рябых, машинально оглядел улицу. Это было для него дело обычное, как говорят биологи, закреплённый рефлекс. Взгляд вправо, взгляд

влево: что появилось, что исчезло, быстрый анализ обстановки. Он так вёл себя даже на своей улице, обострённое внимание было его второй натурой, его естеством. Может, поэтому он сразу приметил квадроцикл, которого во время его приезда на эту улицу не было. Казалось бы, ну мало ли на улицах транспорта – не было, а теперь приехал кто-то с работы; пусть и район этот небогатый, край города, и река недалеко, но транспорт и тут был вещью вполне себе естественной. Но ему сразу бросилось в глаза то, как был припаркован этот квадроцикл. Так обычно не паркуются. Задним мостом квадроцикл уходил в проулок, то есть прятался за угол дома, передний же его бампер немного из-за угла торчал – вроде он и не бросался в глаза, но если кто-то находился в кабине транспортного средства, ему хорошо было видно всю улицу и, конечно же, то, как уполномоченный появился на ней.

«Это что за новости?».

Он задерживает дыхание – натягивать на пару секунд респиратор ему неохота – и быстро доходит до своего электромобиля. Усаживается в кресло, закрывает дверь и закуривает. Он смотрит на торчащий капот квадроцикла. Машинка стоит не очень близко, но и отсюда ему видно, что она всякого повидала. Модель, мягко говоря, не свежая. Но Андрей Николаевич всё ещё не верит, что торчит она из-за угла, как говорится, по его душу.

«Да ерунда... Кто посмеет следить за сотрудником Трибунала? Ну, разве что тот, кто не знает, что я сотрудник».

Впрочем, эта мысль в свете последних его размышлений почти не успокоила уполномоченного. Ему было необходимо знать, случайно ли притаился за углом тот квадроцикл или нет. И он нажал кнопку включения своего электромобиля.

И почти сразу на его лобовое стекло стали падать большие капли.

Вода проливается из тяжёлой чёрной тучи шумным потоком; сначала уполномоченный ещё пытается ехать, но уже через минуту ливень становится таким сильным, что он решает остановиться. Просто дворники не справляются с потоками воды, и Андрей Николаевич находит первую небольшую возвышенность возле одного из домов и на ней останавливает своё транспортное средство, чтобы не оказаться в луже. А ливень лишь усиливается... Он просто грохочет струями воды по крыше электромобиля. Да, нужно было сегодня брать надёжный и простой квадроцикл. Всё это «электричество» – для городских дамочек и пижонов. И тут он краем глаза замечает, что какая-то машина, несмотря на страшный дождь, довольно резво проносится мимо него. Прямо по лужам, не разбирая дороги и поднимая тучи брызг. Он провожает её глазами, ровно две секунды, пока это транспортное средство не скрывается в серой пелене ливня.

«Куда это он так гонит? – этот вопрос ещё не сформировался у него в голове, когда ответ уже родился. – За мной, наверное! А гонит так, потому что боится потерять в этом ливне, – ну а в том, что это проехал тот самый квадроцикл, бампер которого он заметил недалеко от дома Рябых, уполномоченный не сомневался ни секунды. – Н-да... Мною интересуются. Несомненно!».

И от этих мыслей что-то стало кисло на душе у уполномоченного. Там, на юге, в степи и оазисах, он жил в состоянии постоянного напряжения и готовности ко всему. Курки, что называется, были взведены всё время. В тех местах даже сон не был полноценным сном. Короткое забытие, слегка снимающее напряжение.

Здесь же, в большой агломерации Соликамск-Березняки, он чувствовал себя почти в безопасности. Да, кто бы мог тут угрожать высокопоставленному и заслуженному сотруднику очень влиятельной организации? Кто бы осмелился следить за таким? И вот теперь, когда кто-то осмелился, ему вдруг стало неуютно.

«Первым делом нужно выяснить, кто это, – он не собирался миндальничать с теми, кто взялся за ним следить. Ему не нравилось, что кто-то тут, в Большом Городе, может представ-

лять для него хоть какую-то опасность. – Если эти недоумки полагают, что слежка за сотрудником Трибунала – занятие простое и безопасное, они сильно ошибаются».

Он готов был действовать, вот только нужно было дожидаться, пока кончится ливень. И когда через пару минут ливень наконец начал стихать, Андрей Николаевич тихонечко, стараясь не въезжать в колеи, заполненные водой, поехал вслед за умчавшимся квадроциклом.

И сразу, свернув за угол, увидел тот квадроцикл, машина ехала навстречу ему; видно, водитель понял, что за дождём проскочил мимо, и решил вернуться и найти его, и теперь разбрызгивая воду, гнал обратно. Горохов остановил свой электромобиль, вытащил из кобуры пистолет, дёрнул затвор и, недолго думая, открыл дверь и, натянув респиратор, вышел и пошёл навстречу приближающемуся квадроциклу. Он не прятал оружие, но пока не поднимал, так и нёс его, опустив вниз: пусть видят, что оно у него имеется.

Ну и, конечно, сидящие за тёмными стёклами приближающегося квадроцикла его увидели. Увидели и остановились. А он продолжал идти по скользкому грунту, не очень-то разбирая дорогу.

Его дорогая обувь уже промокла, тем не менее уполномоченный быстро шёл вперёд и уже не стеснялся поднять пистолет. Он даже уже прикинул, как будет действовать. Главное было добраться до дверцы водителя. К сожалению, из-за затемнённого стекла Андрей Николаевич не видел, сколько там людей; впрочем, он уже готов был ко всему. И чтобы людям в квадроцикле это было понятно, Горохов просто поднял своё оружие и направил его в район водительского кресла. И когда до транспортного средства ему оставалось пройти всего шагов пять-шесть, мотор квадроцикла вдруг взвыл высокими оборотами и на задней передаче быстро потащил агрегат по лужам прочь от уполномоченного. А резкий проворот колёс переднего моста выдал такой фонтан глинистой грязи, что уполномоченный в одну секунду оказался весь покрыт ею. Весь. Ему даже пришлось зажмуриться, так как вода с глиной и песком попала ему на очки и респиратор.

– Вот блин..., – он опустил пистолет и стал отряхивать респиратор от мокрой грязи: от влажной среды, а тем более от попавшей в него воды он сразу перестал нормально работать, неприятно затарахтел. – Зараза... Вот уроды! – потом стал стирать глину с лица. – Подонки!

А квадроцикл, отъехав метров на пятьдесят, развернулся и стал быстро удаляться от него. И уполномоченный разозлился ещё больше, он даже снова поднял пистолет и стал целиться вслед уезжающему транспорту: мало того, что его обдали грязью, уделали его любимый костюм, так ещё он и не смог выяснить, кто это был.

– Уроды! – повторил уполномоченный и пошёл к своему электрокару, отряхиваясь и пряча пистолет в кобуру под мышкой. Он уже не торопился: ботинки промокли, костюм грязен. Усевшись в свою машину, он стянул респиратор, который нужно было сушить, и бросил его на соседнее кресло. Посидел, немного приходя в себя, и поехал в «контору».

Начальник Отдела Исполнения Наказаний Евгений Александрович Бушмелёв был на месте. Наверное, две трети своей жизни этот грузный человек с седыми бровями проводил на работе. И, кажется, он совсем не удивился появлению у себя в кабинете одного из своих сотрудников. Начальник сидел и перебирал бумаги, раскладывая их из небольшой стопки в разноцветные папки. Делал это невозмутимо. Он даже не очень-то удивился и тому, как его сотрудник выглядел. Бушмелёв кинул на Горохова тяжёлый взгляд, оглядел сверху донизу его влажную одежду в глиняных потёках и спросил не очень-то дружелюбно:

– Вижу, в отпуске не скучаешь! Зачем тогда пришёл?

Этот недружелюбный тон ровным счётом ничего не значил; сколько уполномоченный знал его, комиссар всегда был таким; а ещё комиссар не любил, когда люди ведут пустопорожние разговоры или ходят вокруг да около. И поэтому Андрей Николаевич без приглашения уселся напротив комиссара и сразу перешёл к делу:

– За мной следят.

Он рассчитывал, что Бушмелёв хотя бы после его слов оторвётся от своего занятия и заинтересуется этой темой, но начальник Отдела Исполнения взял очередной листок из стопки, прочел несколько слов и положил лист в серую папку. Надо признаться, уполномоченный рассчитывал на другую реакцию и на пару секунд растерялся. Но тут же сообразил и спросил:

– Вы, что, знали об этом?

– Догадывался, – беря очередной лист бумаги, отвечал Бушмелёв.

– Ах догадывались? – теперь всё становилось ещё интереснее. – Может, скажете кто это? А то я уже собирался в этих умников немножко пострелять.

– Кто именно за тобой наблюдал, я сказать не могу, не знаю, ну а кто инициировал наблюдение, ты и сам должен знать, – спокойно отвечал комиссар.

– Должен знать? – Горохов продолжал удивляться. Ему, честно говоря, до сегодняшней встречи с тем квадроциклом и в голову не приходило, что кто-то может за ним следить... Тут, в Соликамске! Но здесь, в этом защищённом от прослушивания кабинете без окон, он вдруг понял: – Это северные, что ли?

Всё так же не отрывая глаз от своих бумаг, Бушмелёв ответил:

– Грицай добилась приёма у Первого и просила его установить за тобой наблюдение. Я был против, сказал, что ты сразу поймешь и что это приведёт к внутреннему конфликту между отделами, а нам это вовсе не нужно. Первый со мной согласился. И отказал северянке.

– И они нашли кого-то со стороны, – закончил Горохов.

Последний листок наконец был уложен в одну из папок, комиссар завязал её, отложил на край стола и произнёс:

– Они тебе не верят.

– Не верят, – Горохов покачал головой, нехотя соглашаясь. – Иначе не устраивали бы столько заседаний.

– Они тебе не верят, Андрей, – повторил Бушмелёв, – но никто, кроме тебя, ничего по той экспедиции уже сказать не сможет, солдатик, которого ты приволок полуживым, не в счёт, – и тут комиссар изменил тон и придал своему голосу значительности: – А мы все здесь, в «конторе», я повторяю – все, без исключения, рады, что вернулся из той экспедиции живым именно ты.

Для уполномоченного услышать эти слова было важно, а ещё важнее было услышать следующее:

– Поэтому, – продолжал комиссар, – принято решение тебя из отпуска отозвать. Ты получишь задание и в течение пары дней уедешь из Соликамска. Подальше от северных и их комиссий.

– Значит, отправите меня в командировку? – уполномоченный, признаться, был к этому не совсем готов.

– Знаешь, – продолжил Бушмелёв, – нам тоже осточертели эти их комиссии. А они, как я понял, хотят снова тебя вызвать на совещание. Боюсь, что привезут сюда этого своего солдата. Будут устраивать тебе что-то типа очной ставки. Так что давай собирайся. Первый подпишет тебе любой бюджет для операции.

Эта информация меняла дело кардинально, и теперь Горохов был уже согласен с тезисом, что ему лучше пока убираться отсюда. Куда угодно, лишь бы подальше от очередных разбирательств.

– А что, есть ордера для исполнения?

– Нет, пока нет. Заседание Трибунала будет через восемь дней, но..., – начальник Отдела Исполнения Наказаний сделал многозначительную паузу, – но Первый, ознакомившись с твоим рапортом насчёт Серова и оружия, что идёт оттуда, решил направить тебя туда.

– Ехать без ордера? – уточнил Горохов.

– Первый считает, что оружие – это та тема, пренебрегать которой мы не имеем права; у Поживанова по Серову почти ничего нет, мы за Камнем редко работали как следует, и людей там у Поживанова нормальных нет, поэтому принято решение вызвать тебя из отпуска и отправить в Серов для ознакомления с ситуацией. То есть как простого оперативника.

– А почему же вы не рассказали мне про всё это сразу? – с некоторой претензией произнёс уполномоченный.

– Андрей, ситуация должна была созреть, – отвечал ему комиссар. – Если бы ты не обнаружил за собой слежки, если бы за тобой её не было, не было бы и повода посылать тебя в этот Серов. Мы же не были уверены, что эта Грицай после нашего отказа продолжит к тебе неровно дышать. Но, как теперь выяснилось, она женщина упорная. Нашла людей. Наверное, боится, что ты сбежишь.

– Конечно упорная. Она биот, – коротко констатировал Андрей Николаевич. – Они, кажется, все упрямые и оголтелые. Ничего не хотят слышать.

– Во-первых, ты не очень-то распространяйся насчёт биотов при них самих, они этого не любят; да и вообще старайся не употреблять это словно... Особенно при северянах. Во-вторых, – чуть успокаивая его, произнёс Бушмелёв; он не хотел развивать эту тему, хотя, скорее всего, имел что добавить по поводу северных женщин на высоких постах, – ты давай пиши техническую записку в Оперативный Отдел. Распиши, что тебе нужно под легенду. Только завязывай с «инженером-вододобытчиком», этот твой фокус уже по всей степи известен. Твои клиенты теперь всех инженеров дважды проверяют. Придумай себе что-нибудь простое.

– Ну, тогда торговцем поеду. Грузовичок есть какой-нибудь у нас на балансе? Старенький какой-нибудь, простенький, – интересуется уполномоченный.

– Сам выясни, – говорит начальник Отдела Исполнения Наказаний и, чуть подумав, одобряет: – Кстати да, «торговец»... Это неплохая легенда. Только проработать её нужно как следует.

Глава 8

И как теперь Наталье сказать, что он снова собирается уезжать, причём уже через два дня? Это была не очень простая задача, тем более недавно он обещал ей, что пробудет дома ещё месяц, а может, и все полтора.

– Господи, Андрюша! Что с тобой? – сначала она была перепугана, когда увидела его.

– Наташа, успокойся, – ответил ей Горохов, снимая пиджак. – Меня просто обрызгал какой-то мерзавец.

– Обрызгал? – она стала помогать ему раздеваться и, кажется, хихикать за его спиной.

– Да, это очень смешно, – произнёс Горохов тоном как можно более серьёзным. Он знал, что это ещё больше её развеселит. Так и произошло, она стала посмеиваться, уже почти не пытаясь сдержаться.

– И что тут смешного? – почти строго спросил он.

И тогда Наталья, прикрывая рот ладошкой, засмеялась в голос и сквозь смех стала объяснять:

– Ха-ха-ха... Как, наверное, тебе обидно... Ха-ха-ха, тебя, всего такого крутого степняка, большого специалиста по буровым, – и вдруг какой-то городской хам-лихач обдал из лужи грязной водой... Ха-ха-ха... Представляю, как ты был зол!

«Да, смейся, смейся, посмотрим, как ты будешь смеяться, когда узнаешь, что я через два дня уезжаю», – подумал Горохов. Нет, он совсем не обижался на неё, ситуация и вправду, если не знать подробностей, была комичной. Он зашёл в ванную, скинул брюки и стал умываться. А она пришла за ним, стала собирать его одежду и, всё ещё немного посмеиваясь, спрашивала:

– Надеюсь, ты его не застрелил?

– Нет, этот ублюдок уехал, а я был на электрокаре и не смог его догнать по лужам, – Андрей Николаевич стал, глядя в зеркало, приглаживать мокрые волосы.

– И очень хорошо, – сказала она и обняла его сзади, – пусть живёт, а одежду я постираю. А потом приготовлю поесть.

– Ты приготовишь поесть? О нет, только не это, хватит с меня уже на сегодня стрессов, – так Горохов мстил за насмешки жены.

– Что? – притворно возмущалась та. – Я уже прилично готовлю.

– Неужели? – удивлялся уполномоченный. – А кто-нибудь из живых это сможет подтвердить?

– Я сама ем то, что готовлю!

– У тебя стальное здоровье. И железная воля. Без этих двух компонентов твою стряпню никому не осилить, – и тут он произнёс уже серьёзно: – Пойдём куда-нибудь... Выбирай любой ресторан...

Женщина прижалась к нему и сказала негромко:

– Хочу жаренную с луком саранчу, чтобы лука было много... И вишнёвый компот.

– Идеальное сочетание! – согласился уполномоченный и подумал, что компот из вишни подают только в немногих и весьма недешёвых ресторанах. А дорогой ресторан прекрасно укладывался в его планы.

Саранча? Нет, конечно, она не стала её заказывать. Кто будет есть саранчу, когда можно заказать настоящие свиные отбивные, сладкое желе из красного кактуса, вишнёвый компот, персики, а к кофе – пирожок из пшеничной муки с яблоками? И, съев всё это, Наталья произнесла:

– Мне плохо, меня сейчас вырвет.

И это тоже укладывалось в его планы:

– Прекрасно, давай тогда прокатимся немного.

– А куда поедем?

– Посмотрим чёрную степь.

– Только недолго, – попросила она. – Я что-то прилечь хочу.

– Да долго и не получится, скоро темнеть начнёт, – заверил её Горохов, расплатился с официанткой, и они пошли к квадроциклу, на котором приехали.

Когда они уже ехали через Сёла, она вдруг вспомнила:

– Ой, Андрюш, нас послезавтра пригласили дом посмотреть.

– Послезавтра? – тут он подумал, что пришло время ей сказать. – Послезавтра я, наверное, не смогу. Меня вызывают на совещание.

Женщины – они всё чувствуют, Наталья сразу насторожилась.

– У тебя же отпуск ещё полтора месяца.

– Ну..., – только и смог ответить он. Но в это слово легко уложился смысл: ну, был отпуск, всё изменилось, теперь отпуска нет...

Но и этого было ей достаточно.

– Ну как же так? Они же обещали тебе отпуск.

«Они же... Хорошо, что она не догадывается, кто на самом деле эти «они же».

Женщина буквально сверлит ему щёку взглядом и, конечно же, винит во всём его. Уполномоченный включает кондиционер посильнее и достаёт сигарету; ему сейчас не хочется что-то объяснять ей, ведь ещё несколько дней назад он обещал, что проведёт месяц с нею рядом. Уполномоченный закуривает и, наверное, от её взгляда-упрёка начинает кашлять. Открывает чуть-чуть окно и выбрасывает почти целую сигарету. И лишь тогда кашель проходит.

– Тебе пора бросать курить, – говорит Наталья; говорит, почти не злясь. Даже с заботой.

– Это будет непросто. В степи не так много удовольствий, – объясняет ей уполномоченный. – Иногда несколько часов ждёшь возможности закурить. Только о том и думаешь.

– Ты уже не молод, Андрей.

– Да? – он с притворным возмущением смотрит на жену. – А вот это уже было грубо!
– Ты стал кашлять ночью, – продолжает Наталья, – раньше никогда такого не было.
– Ночью? – он удивляется. – Не помню.
– Да, когда лежишь на спине, можешь немного покашлять, – рассказывает ему Наталья.
– Ну, наверно, и вправду нужно бросать курить, – конечно, он ей врёт. Бросать курить он не собирается. Курение – это и вправду в степи почти единственное удовольствие.

Женщина, кажется, хочет ему ещё что-то сказать, у неё всегда есть что сказать, но они приехали. Он остановил машину.

– Вылезай, – говорит Горохов и выходит из квадроцикла.

– Андрей, тут песок мокрый, а я в туфлях! – она оглядывается по сторонам. – Какая тут дичь!

– Ничего, ничего, выходи, мы на пару минут.

– Ладно, но только потому, что мне нужно в туалет, – Наталья явно недовольна тем, как закончился их ужин.

«Ну да, она теперь часто ходит в туалет».

После, когда она оправила юбку, он взял её за руку и буквально потащил вверх по бархану.

– Андрей, – причитала она, – у меня полные туфли песка.

– Ничего, ничего, тебе нужно пройтись, – он тащил её вверх и уже с бархана стал помогать ей подняться на камень, – пошли.

– Ты хочешь меня убить где-то тут? – причитала она.

– Ну, мысль неплохая, – язвил он и понимался на камни всё выше и выше, – но не в этот раз.

– А что тогда? Куда мы лезем, Андрей?

Но он тянет и тянет её вверх. И помогает влезть на небольшой камень, первый в целой гряде.

– Всё, пришли, – он затащил её на самый верх самого высокого плоского камня и только там остановился.

– И что, тебе кажется, что это романтично? Ты приволок меня сюда для секса? – она оглядывается по сторонам.

– В каком-то смысле, – с усмешкой говорит он.

– Что? Тут? Что значит – в каком-то смысле? – она явно не понимает их визита сюда.

– Смотри, – он указывает на солнце, что садится за рекой.

– Очень, ну очень красиво, – говорит Наталья, но сказано это с заметным сарказмом.

– Солнце на востоке. Теперь погляди на юг, вон дома, это начинается район Чертёж. Видишь?

– Вижу; и это должно меня заинтересовать? – всё-таки его сообщение о том, что у него через день будет совещание, испортило её настроение радикально. Он знает свою женщину. Этот её сарказм теперь надолго.

– А если смотреть отсюда на восток, – продолжает Горохов, – то будет видно Кокорино.

– Всю жизнь мечтала взглянуть на это Кокорино с высоты и в лучах удивительного заката.

– Запоминай это место. Запоминай эти камни; ветер сместит барханы, и всё изменится, а камни так и будут стоять, как стояли. Запомни их, – говорит он со всей серьёзностью.

– Андрей, зачем это всё? – Наталья почувствовала, что он не шутит, и спрашивает без тени сарказма: – Что ты хочешь?

– Ты запомнила эти камни? – вместо ответа спрашивает Горохов.

– Ну да... Да, запомнила, – она ещё раз оглядывается.

– Вот и прекрасно; также запомни, что прямо у тебя под ногами, сантиметрах в семидесяти, под глиной и песком в расщелине спрятаны два килограмма олова, пять килограммов

чистой меди в монетах и два килограммовых слитка золота. Поэтому ещё раз тебе говорю: осмотришься и всё как следует запомни.

Признаться, он надеялся, что она после таких новостей в своей слегка циничной манере скажет почти невозмутимо: «О, да мы богачи!». Но вместо этого женщина повернулась к нему и произнесла очень серьёзно:

– Так, Андрюша, будь добр, объясни, что всё это значит?

– А что всё это может значить, по-твоему? – он прекрасно понял её вопрос, но так как у него не было на него ответа, ничего путного сказать не мог.

– Андрей, – всё так же серьёзно продолжала Наташа. – Вопрос с командировкой уже решён? Всё это... этот поход в дорогой ресторан... это у нас что-то типа прощального вечера?

– Ну, в принципе..., – невесело отвечал уполномоченный. – Наверное. Просто я не знал, как тебе по-другому сказать.

– А когда ты мне предложил купить новую квартиру, ты уже знал об этой своей новой командировке?

– Нет, тогда я ничего ещё не знал, думал, вместе покупать будем, – отвечал Горохов. – Мне о командировке только сегодня сообщили.

– А то, что ты пришёл весь в грязи? – у неё был странный способ мышления. – Это как-то связано с сегодняшним решением?

– Да нет, – он даже засмеялся, но вышло всё равно невесело. – При чём здесь это? Там... меня просто обдал грязью какой-то урод.

– Ну а теперь объясни эти свои сокровища, – настаивала она.

– А что тут объяснять?... Кое-что прилипало к рукам в степи, ничего особо криминального, но об этом компании знать было не нужно. Вот за долгие годы и набралось. Кстати, то, что на счетах у меня, то есть всё официальное, я тоже на тебя в завещании записал.

– Ты едешь куда-то в очень опасное место? – она крепко взяла его за руку и попыталась снизу вверх заглянуть в глаза.

– Нет, – отвечал уполномоченный, выкручивая всю свою убедительность на максимум.

– Врёшь! – она всё не отводила глаз. – Погляди на меня, пожалуйста.

– Нет! Наоборот, вот два предыдущих раза ездил в настоящее пекло, очень далеко на юг, даргов была куча, температуры дикие, тогда мне за пару недель, если помнишь, предлагали три сотни. А сейчас нет, предлагают намного меньше.

– Но почему тогда раньше ты мне не рассказывал про этот свой тайник? А теперь, когда командировка не опасная, рассказываешь?

– Ну, наверно, потому..., – он обнял её, – потому что больше мне некому рассказать о моих сокровищах, у меня же, кроме тебя, никого особо и нет, – он прижал её ещё крепче, – и, наверно, потому, что раньше ты не была беременной.

И тогда Наталья, уткнувшись ему в грудь, спросила:

– А если у тебя больше никого, кроме меня, нет, да ещё я и беременная... Ты мог бы никуда не уезжать?

Уполномоченный лишь вздохнул в ответ. Он и сам с удовольствием остался бы тут.

Глава 9

Начфин комиссар Гарифуллин положил перед ним бланк-наряд и произнёс, как всегда чуть высокопарно, слова, которые Андрей Николаевич слышал не один раз:

– Товарищ старший уполномоченный, распишитесь в нижней графе, расшифруйте фамилию, поставьте число.

– Есть, товарищ комиссар, – подыграл ему Горохов и уже хотел было поставить подпись, но остановился и с удивлением взглянул на начфина. И было чему удивиться, до этого за Гарифуллиным такого не водилось. – Товарищ комиссар, а сумму-то вы не указали.

Но начфин не кинулся хватать бланк с криком: где? Как так? Он поглядел на уполномоченного взглядом полной невозмутимости и произнёс:

– Председатель Трибунала просил сумму не выставлять; вы, товарищ Горохов, можете вставить сюда любую нужную вам цифру.

– Любую? – обрадовался уполномоченный. Такое в его практике было впервые.

– Любую, но в разумных, разумеется, пределах, – подтвердил начфин, и добавил: – В общем, товарищ старший уполномоченный, будьте благоразумны, имейте в виду, за все потраченные деньги вам придётся отчитываться. Так что держите себя в руках.

– Обязательно буду придерживать, – почти серьёзно отвечал ему Андрей Николаевич, расписываясь за финансовый документ.

Когда он вышел от Гарифуллина, настроение у него заметно улучшилось, и дело было не только в деньгах. Этот бланк с непроставленной в нем суммой наглядно демонстрировал ему, что руководство «конторы» полностью на его стороне.

«Бери, Горохов, всё, что хочешь, и уезжай отсюда».

И, получив полный карт-бланш, Андрей Николаевич решил подготовиться к дальнейшему путешествию на восток как следует. Он первым делом поехал за реку; там, на левом берегу, среди десятков промпредприятий и производств, среди складов и причалов находилась одна неприметная транспортная компания, официально самостоятельная, но по сути являвшаяся транспортным отделом Трибунала.

Этим заведением руководил Василий Андреевич Кузьмичёв; ему уже перевалило за шестьдесят, это было видно по следам проказы на лице – после шестидесяти витамины и профилактические приёмы антибиотиков от проказы уже защищают слабо. Его пальцы были коричневыми от сигарет и машинного масла, он был отличным механиком и иной раз сам брался за ключи, хотя номинально являлся одним из руководителей Оперативного Отдела. И звали его товарищи просто: завгар.

Они без лишних слов пожали друг другу руки, и Андрей Николаевич протянул ему финансовый документ. Думал, такая бумага удивит Кузьмичёва, но тот только кивнул: ну ясно. И спросил:

– А что ты хочешь взять?

– Грузовики у тебя есть?

– Тягач нужен?

– Нет, какой-нибудь бортовой, небольшой... Что-нибудь для мелкого купчишки, – объяснил уполномоченный.

– «Три в кубе?», – предложил завгар. – Пойдёт?

– То, что надо, – сразу оживился Андрей Николаевич. – Покажи.

«Тремя в кубе» или «три на три» назывался один из самых неприхотливых грузовиков в пустыне. Был он разработан компанией «ГАЗ» специально для перевозки грузов по песку. А назывался грузовик так, потому что имел три моста, трёхлитровый двигатель и мог тащить на себе три тонны груза.

Кузьмичёв провёл уполномоченного по гаражу и подвёл его к неказистой, весьма обшарпанной машине, положил руку на борт, пошатал его, борт держался крепко.

– Ну вот.

– То, что надо..., – повторил Горохов, оглядел грузовик и остался доволен: настоящая машина пустыни, прошедшая по пескам тысячи километров, краска осталась только на кабине, вся остальная облупилась, лобовое стекло в правом верхнем углу треснуло. Он открыл водительскую дверь. И внутри всё было таким же не новым и потёртым, и максимально простым. Андрей Николаевич взглянул на Кузьмичёва: – Мотор, подвеска?

– Ни о чём не переживай, – отвечал ему тот с ободряющей уверенностью, – всё как ты любишь, всё новое и проверенное; ещё заменили генератор, они в этих машинах – барахло, штатный кондиционер я убрал, поставил нормальный, можешь в нём лёд теперь делать.

– Забираю, – резюмировал уполномоченный, захлопнув дверцу грузовика, и, чуть подумав, поинтересовался: – А мотоцикл мой... В порядке?

– Конечно, – отвечал завгар, – хочешь взглянуть?

– Да.

Они пошли по душному и безлюдному зданию гаража, шли между разных машин, пока не дошли до стены, тут и был его мотоцикл. Кузьмичёв откинул брезент.

– Ну, вот он, твой мотор. Всё проверено, бак залит, хоть сейчас садись – и в путь.

Да, это был один из его последних, невзрачных, но очень надёжных мотоциклов. Горохова даже кольнуло что-то сентиментальное, захотелось сесть на мотоцикл, толкнуть стартер, повернуть ручку газа, но он всего-навсего положил на неё ладонь. И потом произнёс чуть задумчиво:

– Да, бюджет у меня неограничен, так что... Заберу и его.

– Тебе его в грузовик поставить?

Тут уполномоченный призадумался на секунду, а потом и говорит:

– Слушай, Василий Андреевич, а отгони-ка мне его в Губаху.

Кузьмичёв лишних вопросов уполномоченным никогда не задавал. Просит уполномоченный отогнать нужный ему транспорт в какую-то точку, так всё, что завгар у него спросит:

– Там есть контактное лицо? Или закопать где-нибудь в песке?

– Пусть ребята закопают где-нибудь рядом с городом, – распорядился Горохов, – и пусть там же закопают пару канистр: с топливом и водой.

– Пиши наряд, подписывай. Сейчас же отправлю людей, завтра к полудню будут тебе координаты схрона, – обещал завгар.

После они заполнили бумаги, на которых уполномоченный поставил подписи, покурили, поболтали о всякой ерунде и о новых моторах, и Горохов поехал обратно в «контору».

Он не просто так решил кроме грузовика взять ещё и мотоцикл, не потому что «открытый» бюджет ему позволял. Это было обусловлено его беспокойством. Ему очень не нравилось то, что за ним следили. Следили тут, в Городе, где следить были не должны. Поэтому он и перестраховывался. А ещё он не был уверен, что это была слежка, которую инициировали северяне. Нет. Не был.

«Может, и они. А может, и ещё кто... Но кто? Может, кому-то не нравится, что я ищу Валеру? А кто это может быть? Сектанты из Светлой Обители?».

В общем, ответов на эти вопросы у него не было. А значит, ему нужно, что называется, держать ухо востро. Вот он и собирался держать это ухо...

Оружие. Помимо обычного своего револьвера, обреза, уполномоченный затребовал себе пистолет «девять-восемь» и к нему три обоймы теперь уже обязательных «зелёных» патронов с токсином, так как именно это снаряжение было единственно надёжным, почти безотказным, средством против ботов. Именно благодаря Горохову, его отчётам, было одобрено и налажено производство некогда экспериментального снаряжения. И теперь это был почти рядовой боеприпас, которым пользовались и уполномоченные, и оперативники, работающие в пустыне.

Но это было не всё. Также Андрей Николаевич затребовал себе в оружейке безотказную винтовку «Т-6», пять магазинов к ней и шестизарядный дробовик, к нему шесть коробок боеприпасов разной номенклатуры. Пять килограммовых брикетов взрывчатки, один килограмм мягкого и липкого пластида. Взял пять штук противопехотных мин, обычных «нажималок» и пять мин направленного поражения. Ещё прихватил десяток гранат всех размеров и систем. В общем, брал про запас, не мелочился. Не всегда же у него будет открытый счёт, финотдел такого второй раз не допустит.

А чего стесняться, бюджет позволял, места в грузовике было предостаточно, это же не мотоцикл, в кузов можно было хоть на целую роту амуниции и снаряжения уложить. Так что: «Пусть будет! Тем более что всего этого ещё и на многие следующие командировки хватит».

Мелочь. Рации, взял самых последних моделей. Радиомаяк и сканер к нему. После стал набирать аккумуляторы, батарейки, взял одну «вечную». То была большая ценность и давала полтора вольта в течении двадцати двух лет. Поэтому так и называлась. Ещё фонарики, трубки-фильтры для питья из луж или из реки.

Сухпайки. Несколько коробок для офицеров. Те, в которых был растворимый кофе. Также брал и просто хорошие продукты, компоты, сушёные фрукты. Сеть для ловли саранчи. Снасти для ловли рыбы. Плёнку для сбора утренней росы. На всякий случай взял пару брикетов крахмала. В общем, про все эти, казалось бы, мелочи опытный степняк тоже не забывал. Также он взял небольшой портативный кондиционер с собственным генератором.

А уже потом пошёл на аптечный склад и выписал себе всего побольше: два больших и дорогих медпакета и к ним по десятку шприцов с обезболивающим, с антибиотиками, стимуляторами и веществами, останавливавшими кровь. Пару тюбиков с биогелем. Он не постеснялся – ну а что стесняться, раз Первый открыл ему счёт, – взял ещё по несколько упаковок антибиотиков и витаминов от проказы. Эти препараты везде имели ценность. Не побрезговал и «вератином», веществом, профилактирующим тепловые удары.

После, когда всё это было ему отпущено, упаковано, вывезено в гараж для погрузки, он отправился в ещё один отдел. Там заправляла немолодая уже сотрудница Трибунала по фамилии Сивер.

– Что будешь брат, Горохов? – спросила она, не вынимая папироски изо рта. – Как всегда, какую-нибудь рвань?

У неё были основания так говорить, уполномоченный на свои задания выбирал один и тот же комплект одежды. Он предпочитал выцветшие на солнце почти до белизны пыльники, удобные галифе, в карман которых можно без проблем спрятать пару гранат, сапоги мягкие, в которых можно пройти пятьдесят километров, не сбив ног, простые рубашки, фуражки с козырьком, самые незамысловатые очки и самые недорогие респираторы. Брал перчатки, ну и платок – закрывать шею и затылок. Весь этот его костюм на самом деле был тщательно продуман. Он был удобен, вещей не было жалко, и самое главное: по нему встречающие люди без труда могли понять, что перед ними не очень богатый человек, который всю свою жизнь таскается по пескам. В общем, степняк, с которого особо и взять нечего и с которым, по большому счёту, лучше не связываться. Себе дороже выйдет. От одного взгляда на него всем становилась понятно: раз человек в таком костюме и с таким оружием не умер в песках, значит, оружием он пользоваться умеет наверняка. А ещё он всегда настороже, так что лучше его не задевать. Но теперь всё было по-другому. Помимо обычного костюма нищего степняка, он набрал себе вещей в стиле «горожанин на прогулке».

Если брал пыльник, так обязательно чтобы плечи, спину и рукава его покрывала зеркальная отражающая ткань; если брюки, то широкие и со множеством карманов; если башмаки, то непременно на толстой подошве, чтобы горячий песок не повышал общую температуру тела через ступни. В общем, чтобы всё было по науке. К этому всему полагалась охлаждающая фуфайка, шляпа со светоотражающим покрытием, дорогой респиратор с компрессором и очень дорогие очки модели «Спектр», самопроизвольно меняющие затемнение в зависимости от яркости солнца и времени суток.

– Я смотрю, ты собираешься куда-то по серьёзному! – заметила кладовщица Сивер, роняя пепел со своей папиросы на накладную.

– Надо быть ко всему готовым, – с философским спокойствием отвечал ей уполномоченный.

– Андрей, удачи тебе там в степи, – пожелала старая сотрудница и протянула ему бумаги.

И уже с целой кипой таких бумаг он снова отправился в финансовый отдел, где просидел достаточно долго, ставя подписи, пересчитывая списки и согласовывая суммы.

На всякий случай – вдруг ещё на месте – уполномоченный заглянул в Отдел Дознаний... И, везение, Поживанов был у себя.

– Андрей, ты по делу или...? – спросил тот, когда Горохов заглянул к нему в кабинет.

– Не занят? – в свою очередь спросил уполномоченный.

– Занят, но если по делу – заходи, – комиссар был явно благодушен.

Они поздоровались, Андрей Николаевич сел на место посетителя.

– Ты же в отпуске, а каждый день на работу ходишь, – удивлялся Поживанов. – Что, дома с женой молодой никак не сидится?

– Сидится, – заверил его Горохов, – но Первый с Бушмелёвым решили мне тут халтурку подкинуть.

– Это ваши дела, я в них влезать не имею права, – предупреждая поднял руку начальник Отдела Дознаний. – Если у тебя что-то ко мне официальное, то давай по протоколу.

– Ну, это не то чтобы официальное, – Горохов покачал головой.

– Ты же знаешь, если дело касается исполнения Приговоров Трибунала, наши отношения только через рапорт, всё через бумагу, – напомнил незыблемое правило комиссар.

– Нет, Серёж, говорю же, тут другое дело, меня Бушмелёв направляет в Серов. И не исполнить Приговор, а прояснить ситуацию с оружием.

– Что? – тут начальник Отдела Дознаний раскрыл глаза в удивлении. – Куда ты собрался ехать? В Серов?

– Ну да, Первый и Бушмелёв всё уже решили.

– Ах решили? – от бывшего благодущия Поживанова не остались и следы. Он даже переменялся в лице. – И когда же принято это решение?

– Я утром пришёл, а для меня уже Гарифуллин наряд подготовил.

– То есть Бушмелёв всё уже решил?

– Ну, Первый подписал наряд. Наверное, это их общее решение, – немного удивлённый такой реакцией, отвечал Горохов.

– То есть всё уже решено? Ну а раз всё без меня решили, зачем ты, Андрюша, пришёл ко мне? – весьма холодно для их обычных бесед поинтересовался Поживанов.

Тут уполномоченный вдруг понял, что этот визит к Поживанову был лишний, и, чтобы как-то объяснить его, произнёс:

– Ты ведь говорил, что у тебя в Серове есть человек. Помнишь, какой-то уверовавший в местного шамана? Может, дашь его адресочек? Я бы к нему наведалься. Посмотрел бы, как он там.

Тут генерал-майор Поживанов вдруг стал каким-то жёстким, даже на вид. И как-то нехорошо спросил:

– Я говорил вам, товарищ старший уполномоченный, что у меня там, в Серове, есть человек? – он сделал паузу. – Ну, такое я мог сказать только в приватной беседе, своему товарищу, а вообще-то я о своих осведомителях никому ничего не рассказываю. Сами понимаете, это информация секретная.

– Ну мы же... помнишь... с тобой недавно разговаривали..., – растерянно произнёс уполномоченный. – И я тут вспомнил и решил, что такой контакт мне там, в Серове, не помешал бы. Заодно и твоего осведомителя я бы проверил.

– Ах, моего осведомителя проверил бы? – переспросил начальник Отдела Дознаний. И, усмехнувшись, как-то нехорошо продолжил: – Знаешь что, Андрюша, давай-ка всё оформим теперь официально. Пиши, как положено, рапорт, пусть комиссар Бушмелёв его завизирует – сам понимаешь, я своими осведомителями разбрасываться направо и налево не могу, у меня

их не так уж и много, они мне дороги, – потом я со своими товарищами проведу совещание по этому вопросу, мы с ними всё обсудим... в общем, я рассмотрю возможность контакта с моим человеком и отвечу тебе тоже письменно.

Всё это было очень, очень странно. Горохов просто не узнавал своего приятеля, с которым не раз уже выпивал и на которого всегда рассчитывал, поэтому расслабляться он не стал и выяснять ничего не стал; и ушёл от комиссара, мягко говоря, удивлённым, но с пониманием, что от Поживанова он в этом деле вряд ли получит хоть какую-то помощь.

Глава 10

Признаться, Горохов покидал здание Трибунала, в состоянии осмысления разговора с начальником Отдела Дознаний. А если быть объективным, уполномоченный был просто обескуражен неожиданным изменением в настроении комиссара.

«Чего Поживанов так взбесился? – недоумевал Андрей Николаевич, садясь в свой квадроцикл. – Надо будет завтра поговорить об этом с Бушмелёвым».

Впрочем, размышлять на эту тему долго он не мог, у него были ещё темы для размышления, и одной из этих тем была кудрявая Марта-Мария, что появилась у Валеры за несколько месяцев до его исчезновения. И Горохову очень хотелось поговорить с отцом Марком до своего отъезда. Поэтому он, выехав из здания подземного гаража Трибунала, сразу направился на юг, в неплохо ему известный район Толыч.

«Двухэтажный красивый дом с двумя ветротурбинами», – вспомнил он рассказ семейства Рябых.

Уполномоченный нашёл этот дом. Красивый, свежеекрашенный «серебрянкой», с хорошим кондиционером и с двумя ветротурбинами. Около двери была прикреплена красивая табличка, подтверждающая его правоту. Вот только останавливаться возле дома Андрей Николаевич не стал, проехал мимо, а на перекрёстке развернулся и остановился, чтобы чуть-чуть понаблюдать за домом издали.

Был уже вечер, и, если семейка Рябых не врала, отец Марк должен уже быть на месте. Он, кажется, принимал страждущих с шести.

Уполномоченный вылез из квадроцикла и прогулялся по улице, хотя прогулки в сезон воды были и не совсем уместны из-за грязи, но народа, тем не менее, в это время на улицах уже было много, так что он не привлёк к себе внимания. У дома он остановился на пару секунд и понял, что мощный и современный кондиционер на красивом доме не работает.

«Никого нет дома? Или электричество экономят? Но с чего бы экономить электричество, если турбины неплохо крутятся?».

Он вернулся к своему транспортному средству, усевшись в кресло, закурил и стал ждать. И прождал около получаса; уже начинало темнеть – а темнеет в это время рано, да и тучи способствуют темноте, – когда у дома появилась женщина.

Да, несомненно, она пришла в этот дом. И у неё был ключ от входной двери. Лицо её, конечно, было скрыто очками и маской респиратора, а на голову был повязан платок, но то, что это не отец Марк и вообще не мужчина, было ясно даже в сумерках. Торчать тут дальше уполномоченному не хотелось. Он встал и быстро пошёл ко входу в красивый дом, а когда женщина открыла замок и стала входить в здание, он даже пробежался, чтобы не дать ей захлопнуть дверь.

– Подождите, подождите...

– Ой! – испугалась женщина, когда уполномоченный, подхватив её под локоть, втолкнул её в здание. – Что это? Кто вы?!

Она быстро сунула ладонь за пазуху, но Горохов успел перехватить руку, взял её крепко и произнёс:

– Тихо, тихо, тихо.... А ну-ка покажите, что тут у вас...

Под комбинезоном у женщины, конечно, оказался пистолет. Андрей Николаевич легко отобрал у неё оружие.

– «Макаров», древние технологии на службе современности. Очень надёжное оружие, но тяжёлое, и не для женских пальцев, – он вернул оружие удивлённой женщине. – Мне будет приятно, если вы не будете его доставать и снимать с предохранителя.

– А кто вы такой? – после того как он вернул ей пистолет она, кажется, немного успокаивалась. Но теперь внимательно разглядывала его, так как он был без маски.

Горохов молча показал ей своё удостоверение, но читать, что там написано, не позволил. Убрал в карман обратно и представился:

– Следователь Сорокин. Муниципальная Криминальная Служба. Ну а вас как зовут?

– Меня? Айна. Айна Кривонос, – быстро ответила она и, как вежливый человек, стянула с лица респиратор и подняла на лоб очки: вот, можете посмотреть на меня.

– Айна. Красивое имя. Редкое, – заметил уполномоченный; а ещё он обратил внимание на то, что под платком женщины белеют седые волосы. Стрижена она была очень коротко, но он всё равно рассмотрел их. И спросил, внимательно глядя в её карие глаза:

– Айна... а вы здесь работаете?

– А..., – она не сразу нашлась, что ответить. – Я тут... помогаю.

– Отцу Марку? – уточнил уполномоченный.

– Да.

– А вы ему, случайно, не жена... Ну, или, может быть... близкая подруга?

– Ой, да нет... что вы..., – смущается женщина. – Я просто прихожанка. Помогаю отцу Марку, чем могу. Уборка или ещё что-то такое... простое.

«Что-то простое... Простая прихожанка, у которой есть ключи от дверей». Ему кажется, что она если и не врёт... то точно лукавит.

– А где же сам отец Марк? Он сегодня будет? – продолжает Горохов.

– Нет, ему пришлось уехать, – сразу сообщает Айна Кривонос.

– Ну прекрасно, – вдруг произносит уполномоченный, – значит, вы за него, и вы мне всё про ваши верования сможете рассказать. Я же для этого и пришёл.

– Я? – почему-то удивляется женщина. Она, кажется, смущена, а может быть... может быть... немного напугана. – Ой, да что я там смогу рассказать, я простая прихожанка.

– Жаль, – произносит уполномоченный. – Я почему-то подумал, что вы с отцом Марком близки, вы такая... приятная женщина, – он немного удивлён тем, как она выглядит. Волосы седые, но на её лице ни морщин, ни желваков проказы. И пальцы у неё в отличном состоянии, болезнь совсем не тронула суставы. Да и худой или измождённой она не кажется. Как говорится, дамочка в самом соку.

– Ой, ну что вы..., – она смущённо отмахивается и поясняет: – Мы просто работаем вместе.

– Ну, раз он вам даёт ключи от этого дворца..., – Горохов обводит рукой обставленный неплохой мебелью зал для собраний, – значит, он вам доверяет.

– Ну... наверное..., – как-то нехотя соглашается она.

– Вы, наверное, убираться пришли? – он проходит вдоль рядов стульев, отличных стульев. – Хотя что тут убираться? Вокруг и так необыкновенная чистота.

– Да нет, не убираться..., – нехотя соглашается женщина.

Но уполномоченный тут же переключается на другую тему:

– А когда уехал отец Марк?

– Так... э-э... сегодня, – не сразу отвечает Айна; она выбирает слова, тянет время, думает...

«Зачем? Наверное, сразу после того, как семейство Рябых сообщило ему, что какой-то следователь интересовался Мартой-Марией, так и решил уехать. Не факт, конечно, но очень

на то похоже, и эту дамочку, «обыкновенную прихожанку» с таким же чистым лицом как у местных светских львиц – уборщицу! – прислал сюда зачем-то. Забыл что-то. И, кстати, что? Зачем она сюда пришла?».

Но задавать ей этот вопрос не стал, это он решил выяснить, но боялся, что женщина может соврать. И он продолжил:

– Так вы, кажется, сказали, что с отцом Марком и работаете вместе?

– Раньше работала, сейчас я не работаю, а раньше... Да, мы с ним работали в Порто-управлении, Четвёртый пирс. Отец Марк и сейчас там работает, – объяснила Айна.

– Но вчера он уехал, – закончил за неё уполномоченный.

– Да, – кивнула женщина.

– И куда – вы не знаете?

– Н-нет..., – она покачала головой.

«Врёт», – в этом Горохов не сомневался.

Бабёнка побаивалась его, для Андрея Николаевича это было очевидно.

«А с чего бы ей бояться представителей закона? Она о чём-то знает? Поэтому боится и врёт?».

– Что ж, – продолжает он, – жаль, очень хотел с ним поговорить. А когда он теперь вернётся?

– Сказал, что недели через две.

Он не стал задавать ей вопрос, который интересовал его больше всего, и попрощался:

– Хорошо, через две недели я обязательно зайду к нему. До свидания.

– До свидания, – Айна Кривонос едва могла скрыть радость, что он уходит, проводила его и поторопилась закрыть за ним дверь.

Но дамочка явно не понимала, с кем имеет дело, иначе бы не спешила радоваться. Горохов надел респиратор и пошёл по темной улице, прошёл подальше от освещённого места под фонарём; он полагал, что на доме отца Марка есть камера, и поэтому хотел выйти из зоны контроля. В ста метрах от дома он остановился в темноте, привалился к влажной стене и приготовился ждать. Уполномоченный полагал, что ждать ему придётся недолго. И оказался прав. Минут через десять после его ухода дверь дома приоткрылась, и на улицу выглянула женская голова в платке. И конечно же, женщина стала рассматривать улицу, на которой в это время народа было не так уж и мало. Она явно искала глазами его и, не найдя, наконец осмелилась выйти наружу. Пока женщина доставала ключи, пока закрывала дверь, Горохов не ждал, а скорым шагом, едва ли не бегом, поспешил к ней, и когда она, уже заперев дверь, хотела уходить, он снова схватил её под локоть.

– А-а! – закричала женщина так громко, что идущие невдалеке по улице мужчина и женщина обернулись к ним. Но уполномоченный помахал им рукой: всё в порядке.

И заговорил, уже обращаясь к женщине:

– Извините, забыл сразу спросить, дырявая голова, вот пришлось возвращаться.

– Возвращаться..., – зачем-то повторила она и попыталась что-то поправить под комбинезоном.

– А что это у вас там? – уполномоченный не постеснялся залезть женщине под одежду и сразу нащупал кое-что... – О, а когда вы сюда пришли, этого не было.

– Нет, что это вы..., – воскликнула она и стала сопротивляться, – это вам не нужно.

Женщина вцепилась в вещь, прижала к себе; она оказалась на удивление упрямой, и уполномоченному пришлось по-настоящему приложить силу чтобы вытащить у неё из-под одежды толстую тетрадь. Но даже теперь она не отпускала её и повторяла как заведённая:

– Это вам не нужно... Зачем вы..., – она даже сопела от усилий. – Это вам не нужно...

– Да хватит уже, – Горохов вырвал наконец тетрадь из её рук и отпихнул её в сторону. – Чего вы так разгорячились?

Тут, под светом домового фонаря, он хорошо видел её. И ему показалось, что рука Айны дёрнулась, чуть поднялась и замерла. Горохов поднял палец как предупреждение.

– Даже не думайте об этом! – и чтобы у неё и вправду не было таких мыслей, он снова быстро залез к ней под комбинезон и вытащил оттуда пистолет. Спрятал его себе в карман. – Думаю, что так нам обоим будет спокойнее.

Рядом с ними остановились два мужичка; им явно было интересно, что тут происходит, и тогда уполномоченный произнёс, обращаясь к женщине:

– Сама пойдёшь или мне наручники на тебя надеть?

И, не дождавшись ответа, схватил её под руку и поволок к своему квадроциклу. Мужики выяснять, что происходит, не стали. И она при этом почти не сопротивлялась. Он довёл её до своего транспортного средства, усадил в кресло пассажира и захлопнул дверцу; только после этого зеваки пошли по своим делам. А он, усевшись на водительское место и показав на тетрадь, спросил у женщины:

– Что здесь?

Он мог, конечно, раскрыть тетрадь, начать листать её, сам бы попытался разобраться, но он неплохо помнил теорию допроса и знал, что после задержания подозреваемый находится в подавленном состоянии и стрессе, то есть наиболее уязвим для давления, поэтому в первые минуты он скорее всего не будет записывать и начнёт говорить.

– Я не знаю, – произнесла Айна Кривонос, не снимая респиратора.

И тогда Горохов довольно бесцеремонно и быстро стянул с неё маску, причём женщина от этого его движения вздрогнула, а он повторил вопрос, повысив голос:

– Что здесь?

– Финансовая отчётность, – поспешно ответила она. – Бухгалтерия.

– Почему она у вас? – он так и не раскрывал тетрадь и держал её перед лицом Айны.

– Отец Марк перед отъездом просил забрать её.

– Вас? Вы же уборщица? Или вы всё-таки его бухгалтер?

– Нет, – она затрясла головой, – я просто его помощница.

– Просто помощница? – не верил Горохов. Он вдруг отбросил тетрадь на панель у руля и схватил женщину за руку, стащил с неё перчатку и ощупал пальцы. Потом уже совсем бесцеремонно начал ощупывать её лицо, словно искал что-то под кожей, а она всё это терпела, даже не пытаясь избежать его неприятных прикосновений. А Горохов, закончив со своими поисками, вдруг спросил у неё весьма миролюбиво:

– Судя по всему, вы очень небедная женщина?

– Что? Я? – она удивилась и покачала головой. – Нет.

– Нет? Мне кажется, вы принимаете очень дорогие препараты от проказы; сколько вам, сорок? Или, судя по вашим волосам... вам уже за пятьдесят, но даже и намёка на проказу я не нашёл ни на пальцах, ни на лице. Что вы принимаете? «Сульфадиметоксин»? Хотя нет, это старьё; наверно, вы принимаете «Ренегард», говорят, он очень эффективен, но... Три рубля месячный курс, тридцать шесть рублей в год. Не каждый может себе это позволить. Ну, признавайтесь, «Ренегард»? Расскажите мне, почему вы так хорошо выглядите? Что пьёте?

– Я не принимаю этот препарат, – отвечает женщина. Она косится на него. Да, она продолжает его бояться, и это Андрею Николаевичу на руку.

– А что тогда принимаете? – не отстаёт Андрей Николаевич. – Ну, поделитесь, поделитесь, интересно же, может, мне самому лет через десять придётся пить что-то этакое.

– Я ничего не принимаю... У меня генетика хорошая, – наконец сообщает женщина. Косится на Горохова, ждёт от него реакции.

Глава 11

– Ах вот как... Генетика, значит, – уполномоченный тут же меняет тему. Он снова берёт тетрадь и сует её Айне под нос. – А что тут? Говорите. Только не думайте, говорите быстро.

– Там просто...

– Ну? Что там просто? Говорите, Айна, говорите...

– Там простая бухгалтерия, – выдавливая она. – Я же вам это уже говорила.

– Такая простая, что отец Марк попросил вас её забрать, и это при том, что вы не бухгалтер, а, как вы сами выразились, простая прихожанка. Простая помощница. Уборщица. Зачем простой уборщице бухгалтерия отца Марка?

– Он попросил меня забрать её к себе. И всё... И всё... Вот я приехала и забрала.

– Просил её куда-то отправить?

– Нет, – Айна отрицательно качает головой. – Просто подержать у себя, пока его не будет.

– Я что-то не пойму, – притворно недоумевает Горохов, – обычная книга с бухгалтерскими записями... Кому она вообще может понадобиться? Тем не менее отец Марк, неожиданно куда-то уезжая, вдруг почему-то просит одну свою прихожанку, которой он очень доверяет, забрать книгу и подержать её у себя? Так и хочется полюбопытствовать: он всегда так делал?

– Что делал? – она явно тянет время.

– Он всегда просил вас забирать на хранение свою бухгалтерскую книгу, когда уезжал? – разъяряет её уполномоченный.

Женщина медлит, она не знает, как правильно ответить на этот вопрос, но этот мерзкий, введливый мужик ждёт от неё ответа, и она наконец произносит:

– Нет. Не всегда.

А Горохов снова неожиданно меняет тему разговора:

– А как его настоящее имя? Его зовут Марк? Или это, как говорят у людей ретивых, погоняло?

– Его зовут Григорий, – отвечает Айна.

– О, значит, не Марк. А фамилия у Григория была? Ну, до того, как он стал отцом вашей церкви, – и так как она снова тянет с ответом, он насаждает: – Ну, давайте, давайте, гражданка Кривонос, вы же с ним работали, должны знать фамилию.

И, поняв, что ей не оттолкаться, женщина говорит:

– Величко.

Горохов несколько секунд смотрит на женщину, а она к нему и головы не повернёт, и тогда он спрашивает у неё:

– Кто стрелял в мальчишку?

И вот только теперь она поворачивается к нему, смотрит на уполномоченного испуганно и почти сразу отвечает:

– Я не знаю!

«Она сразу поняла, о каком мальчике идёт речь. Если бы не знала, о чём я спрашиваю, так спросила бы: «В какого мальчишку?». Или ещё что-нибудь в этом роде. Впрочем, она, конечно же, знала о том случае с Колей Рябых, но могла и знать, кто это сделал».

Этот его вопрос и её ответ ничего Горохову не дали, хотя, несомненно, сама встреча была ему полезна, но, как ни крути, женщина всё-таки была второстепенным носителем информации, и ему был нужен отец Марк, или выражаясь не так помпезно, крановщик Гриша Величко.

– Покажите мне дом отца Марка, – в приказной форме произнёс он и провернул ключ зажигания. – Куда ехать?

Женщина вздохнула и ответила:

– У него дом на Яйве.

– На Яйве? – уполномоченный, признаться, был удивлён: южный въезд в Агломерацию, райончик, мягко говоря, так себе. «Неужели руководитель секты не смог приобрести себе что-то получше? Наверно, все деньги вкладывал в общий дом, дом собраний».

Опять пошёл сильный дождь. И ему не захотелось выезжать с небольших улиц на круглосуточно забитые транспортом магистрали, так и поехал по узким улочкам, по длинным лужам. Андрей Николаевич закурил и, бросив короткий взгляд на женщину, спросил:

– А о чём ваше учение?

– Так сразу и не скажешь, – кажется, ей не очень хотелось говорить с ним, даже на эту тему. – Это сложно...

– А я усидчивый и внимательный... Попробуйте. Может, пойму.

– Ну, у нас нет ничего особенного... просто... мы готовим себя к перевоплощению. Себя и своих детей.

– А, ну да... Кажется, мне Рябых говорили, что всякий сможет себя изменить, чтобы приспособиться к наступающему миру.

– Да, но... изменить нас может только Отшельник. У него есть знания для этого, а мы можем только подготовить себя к грядущим изменениям и ко всем возможным последствиям этих изменений.

– Подготовить? Как? Может, для этого нужно принимать какие-то вещества? – интересуется Андрей Николаевич.

Она взглянула на него, может быть, даже с презрением и только после этого ответила:

– Мы должны измениться духовно. И научиться принимать себя новыми. Мы должны смириться с тем, что мир неуклонно меняется, наш мир заканчивается, новый мир приходит, и если мы хотим выжить в этом новом мире, мы должны принять всё новое, а для этого каждый должен пройти через свой собственный катарсис.

– Через что? – не понял уполномоченный и усмехнулся.

Она снова смотрит на него с презрением, теперь он буквально чувствует его. Тем не менее, Айна снисходит до пояснений и продолжает:

– Тот, кто хочет найти себя в новом мире, должен пройти через очищение, через избавление себя от страха, от жадности... От всего, что некогда было твоей личностью. И даже пройти через жертву. Из всего сказанного уполномоченный выявил для себя лишь слово «жадность». «Должен освободиться от жадности?». Вот теперь ситуация начинала проясняться.

– А сколько вы жертвовали... Ну, на этот катарсис?

После этого вопроса, судя по всему, она ещё больше стала его презирать. Но всё равно продолжала объяснять:

– На катарсис не жертвуют, катарсис переживают, а на общину мы все отдавали две десятины.

«Две десятины! Ну, к примеру, если среди прихожан нет особо зажиточных, то каждый отдаёт отцу Марку рубль. Один рубль. А стульев в их доме было больше сотни. Минимум сто рублей в месяц! Отец Марк молодец. Ну а в порту крановщиком он работает... для вида. Для праведности. Отец Марк, конечно же, не стяжатель. Дескать, живу я на свои, а поборы... Так это на общий дом. Да... Отец Марк парень не промах». Горохов кинул взгляд на лежащую на панели бухгалтерскую книгу, и ему захотелось побыстрее с нею ознакомиться. А потом он спросил:

– А этот... Отшельник... Он где живёт?

– Мы не знаем, – ответила ему Айна Кривонос.

– А отец Марк знает, я так понял? Может, он к нему поехал?

– Отец Марк не мог поехать к Отшельнику, отец Марк тоже не знает, где тот живёт.

– Ничего не понимаю. А как же Отшельник до вас доводит эту свою мудрость про катарсис? – Горохову понравилось это слово. Его даже произносить было приятно.

– Знают о том только его пророки.

– Ах, пророки..., – понял уполномоченный. – И отец Марк поехал к такому пророку.

– Я не знаю, он не сказал мне, – теперь она всё время говорила с ним свысока, но его это не раздражало: «Пусть, пусть... Лишь бы не молчала; если будет говорить, что-нибудь да и скажет интересное».

– То есть... после катарсиса ваш пророк даст вам возможность выживать в новом мире? И вы в это верите?

– Я не верю, – отвечала она твёрдо. – Я знаю, что даст. У пророка для этого есть сила, которую ему дал Пробуждённый.

«Ну, началось...», – подумал уполномоченный, но своего скепсиса никак не выразил, а лишь поинтересовался:

– И откуда у Пробуждённого эта сила? Он, наверное, обрёл её где-то далеко в пустыне?

– Далеко в пустыне, – вдруг подтвердила Айна. – Да, он приобрёл её на юге, и даровали ему эту силу пришлые.

– А, пришлые! – «Ну тогда конечно, кто же ещё мог дать ему волшебную силу?». – Ну а какую же силу дали пришлые Отшельнику или, как вы его называете еще, Пробуждённому, не знаю, как его правильно сказать?

Айна Кривonos смотрит на него, как всезнающий взрослый смотрит на несмышлёного малыша, и отвечает:

– Главную силу.

– Главную? М-м... А главная сила... Это у нас...

– Это знания, – говорит она почти с вызовом.

Такой главной силы, признаться, уполномоченный не ожидал.

– Знания?

– Конечно, а что же вы думали? – спросив это, женщина усмехнулась. Она явно чувствовала своё над ним превосходство. Но когда она в своей ухмылке чуть растянула губы, он заметил, что у неё нет одного из правых верхних зубов.

– Ничего. Тут я с Пробуждённым вынужден согласиться, главная сила – это знания, – произносит он. И снова интересуется: – И, значит, Пробуждённый получил от пришлых знания и эти знания передаёт пророкам, а те через таких людей, как отец Марк, передают их пастве?

– Нет, всё не так! – отвечает ему женщина.

– А как? – не отстает с вопросами уполномоченный.

– Когда ваш пастырь, ваш наставник, понимает, что вы готовы вступить на первую ступень преломления, он говорит об этом с пророком. И тот иногда просит адепта приехать к нему для беседы, а иногда соглашается с пастырем, что адепт готов, и благословляет адепта заочно.

– Благословляет на что? – Горохову и вправду интересно знать, как устроена эта секта.

– На первый шаг. На первый шаг на пути преломления. И если вы..., – она начинает увлекаться. Горохов слушает её, слушает, но знает, что она говорит не своими словами, кто-то повторял их ей много раз, и теперь она сама верит в то, что говорит. И её не переубедить.

Он кивает, слушая её: да-да, понимаю... И вдруг перебивает её и спрашивает:

– У вас нет зуба... Правого верхнего.

Это было делом обычном, в оазисах у людей быстро стирались зубы о вездесущий песок и о твёрдую пищу. Только люди состоятельные могли позволить себе все зубы.

Айна замолчала на полуслове, смотрит на него с удивлением. А потом говорит чуть растерянно:

– Это... Это вас не касается.

Она ошарашена его бестактностью, но, кажется, ему этого мало, он оттягивает ей щёку и видит, что у не хватает не только одного зуба.

Но на сей раз она набирается храбрости и отводит его руку от своего лица – и поясняет:

– Пришлось удалить. Испортились.

«Испортились... Ну да, конечно, только эти, а все передние у неё такие, что поневоле позавидуешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.